

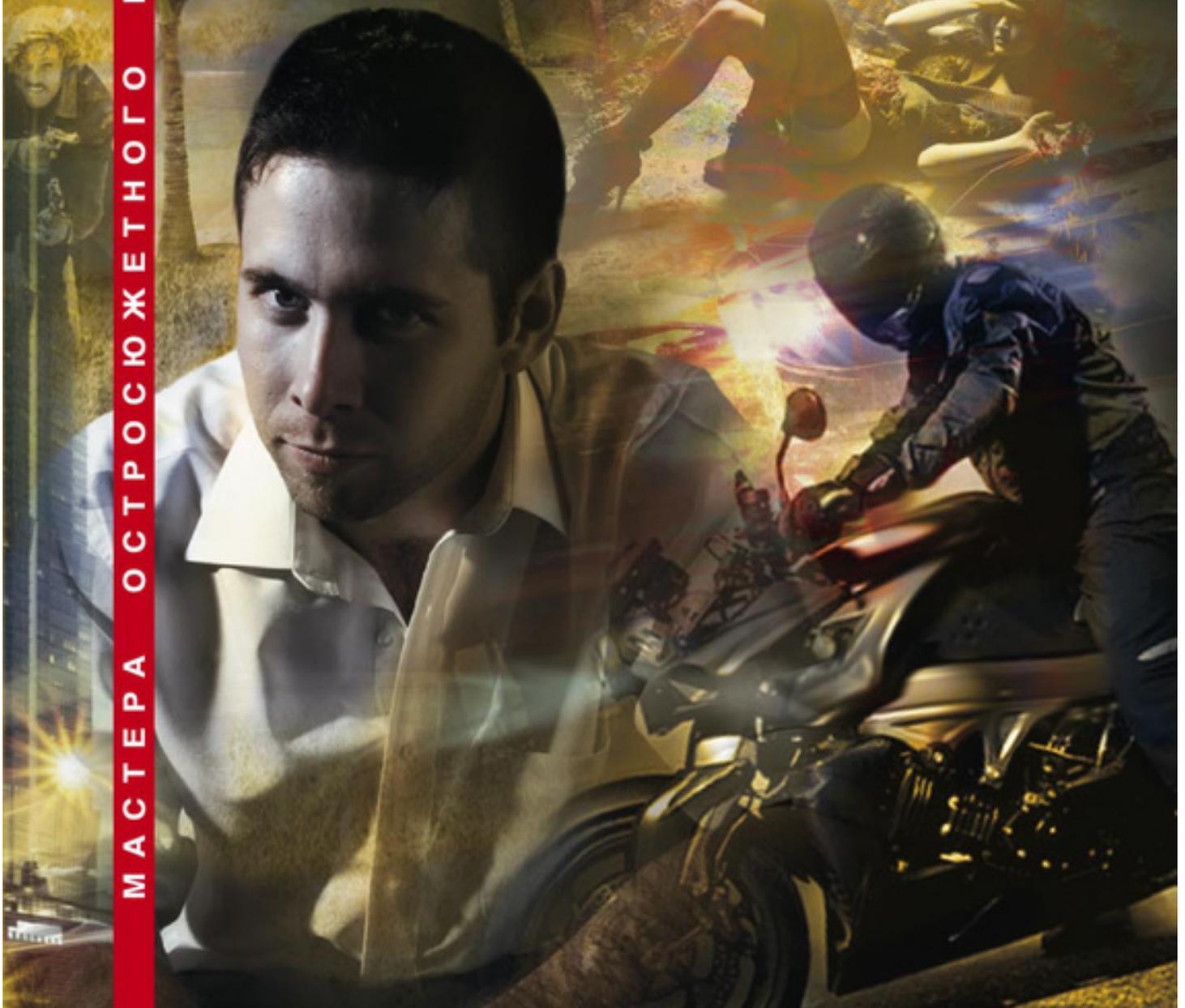
CRIME THRILLER HORROR

Деон

Мейер

Остаться
в ЖИВЫХ

МАСТЕРА ОСТРОСЮЖЕТНОГО РОМАНА

Crime. Thriller. Horror

Деон Мейер

Остаться в живых

«Центрполиграф»

2002

Мейер Д.

Остаться в живых / Д. Мейер — «Центрполиграф»,
2002 — (Crime. Thriller. Horror)

Решившись помочь другу, взятому в заложники неизвестными, Тобела Мпайипели – в прошлом боевик, а ныне законопослушный гражданин – оказывается втянутым в опасную и темную игру, смысла которой не понимает. Ему ясно лишь одно: на него охотятся спецслужбы, полиция и армия, и, чтобы остаться в живых и навсегда расквитаться с прошлым, он должен совершить невозможное – победить в навязанной ему неравной схватке...

Содержание

1984	5
Март	7
Октябрь	9
3	14
4	20
5	27
6	32
7	37
8	42
9	47
10	52
11	57
12	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Мейер Деон

Остаться в живых

Посвящается Аните

1984

Он стоял за спиной американца в вагоне парижского метро. В давке их почти вплотную притиснули друг к другу. Но душа его была далеко, на побережье Транскея, где огромные волны с грохотом разбиваются о берег.

Он мечтал о скалистом мысе, на котором можно посидеть, наблюдая, как один за другим бегут белые гребни по поверхности Индийского океана. Кажется, что волны пребывают в благоговейном ужасе от своего долгого пути, который неизменно оканчивается одним: они с грохотом разбиваются о скалы Черного континента.

В грохоте прибоя иногда наступает почти полное затишье – секунды абсолютного спокойствия. Бывает так тихо, что слышны голоса предков – Пало и Рарабе, Нквика и Макома. Они – великие вожди народа коса, его кровные родственники, источник его сил и его прибежище. Он точно знал: туда он отправится, когда настанет его время. Как только в грудь вонзится острый клинок и жизнь вытечет из него, он вернется в те секунды тишины между грохочущими взрывами волн.

Он заставил себя вернуться в настоящее – медленно и осторожно. До станции «Сен-Мишель» оставалось всего несколько минут. Нагнув голову и наклонившись к американцу, он почти прижался к его уху губами, словно любовник.

– Знаешь, куда ты попадешь, когда умрешь? – спросил он звучным, как виолончель, голосом. Он говорил по-английски с явственным африканским акцентом.

Сухожилия на спине врага напряглись, широкие плечи ссутулились.

Он спокойно стоял в переполненном вагоне метро и ждал, когда враг повернется к нему лицом. Он хотел видеть его глаза. Жаждал очной ставки – после того, как вызов брошен. Его положение наполняло его силой. Он был воином с африканских равнин, и все его жилы и мышцы были связаны и сотканы для такого мига. Сердце его забилося чаще, в кровь хлынуло желание войны. Им овладело божественное безумие битвы.

Сначала противник не спеша развернул корпус, потом повернул голову. Он увидел глаза и понял: перед ним настоящий ястреб, бесстрашный и самоуверенный хищник. Враг не испугался, а, пожалуй, даже развеселился: уголки его губ чуть дернулись вверх. Они стояли почти вплотную друг к другу – их разделяло несколько сантиметров. Какая странная близость!

– Так знаешь?

Противник смерил его оценивающим взглядом.

– Скоро ты там окажешься, Дорффлинг. – Он произнес фамилию врага презрительно, как выплюнул; фамилия была подтверждением того, что их встреча не случайна. Он знает врага в лицо, получил задание, тщательно изучил досье и сохранил его в памяти.

В глазах врага не отразилось ничего. Поезд замедлил ход и остановился. «Сен-Мишель».

– Нам выходить, – сказал он.

Американец кивнул и зашагал по платформе – всего на шаг впереди. Они поднялись по лестнице в город; вокруг шумел Латинский квартал. И вдруг Дорффлинг пустился наутек по бульвару Сен-Мишель, в сторону Сорбонны. Он знал: жертва выбирает знакомую территорию. Там, за углом, находится квартира Дорффлинга, в которой тот собрал целый арсенал ножей, удавок и огнестрельного оружия. Но бегство недруга застало его врасплох; он ожидал, что

американец примет вызов. Его уважение к бывшему морскому пехотинцу, а сейчас наемному убийце ЦРУ невольно возросло.

Организм среагировал инстинктивно: в кровь хлынул адреналин, и он пустился в погоню. Длинные ноги ритмично несли его крупное тело. Беглец все ближе, он настигает. Парижане провожали их изумленными и даже испуганными взглядами.

Американец несся по рю дез Эколь, повернул на рю Сен-Жак, и вот они уже на аллеях университета. Сейчас, в августе, у студентов каникулы, и здесь никого нет, пусто. Старинные здания угрюмо взирают на них, вечерние тени удлиняются. Он без особых усилий нагнал Дорффлинга и толкнул его плечом. Американец молча упал на мостовую, перекатился и ловко вскочил, готовый к схватке.

Он закинул руку за голову – в ножнах, удобно прилегающих к спине, находился ассегай. Короткая рукоятка, длинное лезвие.

– Майибуйе, – негромко проговорил он.

– Ты на какой тарабарщине изъясняешься, ниггер? – хрипло, но без всякого выражения спросил американец.

– На коса, – ответил он, звонко щелкнув языком.

Дорффлинг уворачивался уверенно; в его движениях угадывалась практика длиною в жизнь. Он не сводил глаз с противника. Двое кружили в страшной пляске смерти. Наконец, выбрав удачный момент, он ринулся вперед. Американец попытался ударить его ногой в пах, но он, ловко уклонившись, схватил врага за шею и вонзил длинное лезвие в грудь. Потом взгляделся в светло-голубые глаза.

– Амзингелли, – прошептал морской пехотинец.

– Умзингели. – Он кивнул, мягко и вежливо поправляя произношение. В нем зрело уважение к врагу – за сам процесс, за то, что тот не молил о пощаде, а спокойно принимал смерть как должное. Он чувствовал, как жизнь выходит из врага, – глаза стекленеют, сердце бьется медленнее, дыхание становится неровным и постепенно прекращается.

Тело врага уже начало тяжелеть, и он мягко уложил его на землю.

– Куда ты идешь? Ты знаешь?

Он вытер ассегай о футболку убитого. Медленно засунул обратно в ножны.

И отвернулся.

Март 1

Расшифровка протокола допроса Измаила Мохаммеда, проведенного А.Дж. М. Уильямсом 17 марта в 17:52 в участке Южноафриканской полицейской службы «Гарденз», Кейптаун.

У. Вы хотели побеседовать с сотрудником разведки?

М. А вы из разведки?

У. Да, мистер Мохаммед.

М. Чем докажете?

У. Даю вам слово.

М. Этого недостаточно.

У. А что было бы для вас достаточным, мистер Мохаммед?

М. У вас есть удостоверение?

У. Вот, можете взглянуть, если хотите.

М. Министерство обороны?

У. Мистер Мохаммед, я представляю государственную службу безопасности.

М. НРУ?

У. Нет.

М. Секретную службу?

У. Нет.

М. Тогда какую?

У. Серьезную.

М. Военная разведка?

У. Видимо, произошло недоразумение, мистер Мохаммед. Насколько я понял, у вас неприятности и вы хотите улучшить свое положение, предоставив в обмен определенные сведения. Это так?

(Неразборчиво.)

У. Мистер Мохаммед!

М. Что?

У. Это так?

М. Да.

У. Полицейским вы сказали, что предоставите информацию только человеку, связанному со спецслужбами?

М. Да.

У. Ну вот, пользуйтесь случаем.

М. Где гарантии, что нас не подслушивают?

У. Согласно Уголовному кодексу полиция должна заранее проинформировать вас о том, что допрос будет записываться.

М. Ха!

У. Мистер Мохаммед, так что вы хотели мне сообщить?

М. Я требую неприкосновенности.

У. Вот как?

М. И гарантий конфиденциальности.

У. Вы не хотите, чтобы члены ПАГАД¹ знали о том, что вы заговорили?

¹ ПАГАД – мусульманская организация в ЮАР, чье название расшифровывается как People Against Gangsterism and Drugs

М. Я не член ПАГАД.

У. Входите ли вы в группировку МПНЛ?²

М. Я требую неприкосновенности!

У. Являетесь ли вы членом «Квиблы»?³

(Неразборчиво.)

У. Мистер Мохаммед, я могу попробовать договориться о смягчении вашей участи, но, разумеется, никаких гарантий вам не дам. Насколько мне известно, улики против вас неопровержимы. Если ваши сведения чего-то стоят, не смогу обещать вам более того, что постараюсь вам помочь...

М. Я требую гарантий.

У. В таком случае, мистер Мохаммед, прощайте. Удачи в суде!

М. Дайте мне...

У. Я зову следователей.

М. Подождите...

У. Всего хорошего, мистер Мохаммед!

М. Инкукулеко.

У. Что, простите?

М. Инкукулеко.

У. Инкукулеко?

М. Он существует.

У. Не понимаю, о ком вы.

М. Тогда почему вы снова садитесь?

(«Люди против бандитизма и наркотиков»). Возникла в 1996 г. для борьбы с терроризирующими мусульманскую общину преступниками и наркомафией. Члены ПАГАД борются с распространением наркотиков методами террора.

² МПНЛ – группировка «Мусульмане против незаконных лидеров».

³ «Квибла» – исламистская группировка, созданная в ЮАР в 1980-х гг. Ее цель – создание в ЮАР исламского государства. Придерживается антиамериканской позиции, протестуя против вмешательства США в дела мусульманских государств.

Октябрь

2

Какой-то юнец высунул голову из окошка маршрутного такси, насмешливо погрозил Тобеле Мпайипели пальцем и, смеясь, оскалил крупные белые зубы.

Тобела прекрасно понимал, в чем дело. Он довольно часто видел свое отражение в витринах магазинов – чернокожий великан на крошечной «хонде-бенли», храбро пыхтящей под его тяжестью. Колени почти касаются руля, длинные руки изогнуты под острым углом, на голове – непропорционально огромный защитный шлем, закрывающий лицо.

Ну и зрелище! Карикатура.

В первые недели он очень стеснялся – вдобавок к тому, что ему еще только предстояло научиться ездить на мотоцикле. Он ездил на нем на работу и домой по оживленному шоссе № 2. Сначала он чувствовал себя ужасно – неуклюжим и неуверенным. Но, как только овладел основными навыками, научился обходить грузовики, полноприводные джипы и автобусы, вклиниваясь между ними в пробках, он оценил преимущества своей малышки, а насмешливые взгляды и жесты перестали его смущать.

Постепенно он начал получать удовольствие от езды на мотоцикле: пока раздосадованные владельцы навороченных машин сидели, как в ловушке, в бесконечных пробках, он лавировал в проходах и вырывался вперед.

Прочь из Кейптауна! Курс на Гугулету. К Мириам Нзулулвази.

И к Пакамиле, который наверняка ждет его на углу улицы, а последние тридцать метров до дома бежит наперегонки с мотоциклом. К семилетнему мальчику, молчаливому, большеглазому, серьезному – в мать. Добежав до дома, он терпеливо ждет, пока Тобела снимет шлем и отстегнет коробку, в которой возил на работу обед, положит большую руку ему на голову и скажет: «Здравствуй, Пакамиле!»

Мальчик, как всегда, ошеломит его своей улыбкой, а потом бросится ему на шею – волшебный миг, который повторяется каждый день. И он войдет в дом и пройдет на кухню, к Мириам. Она никогда не сидит сложа руки – готовит, стирает, моет... Высокая, стройная, сильная и красивая женщина поцелует его и спросит, как прошел день.

Мальчик будет терпеливо дожидаться, пока он закончит разговаривать и переоденется. Потом, наконец, прозвучат заветные слова: «Пошли на огород».

Они с Пакамиле пройдутся по дворику, осмотрят посадки, обсудят, как что растет. Сладкая кукуруза уже завязывается в початки, поспевают фасоль, которую называют «лентяйкой» («На кого это ты намекаешь?» – шутила, бывало, Мириам). Неплохо растут морковь, кабачки, орех серый. Радуют глаз дынные плети. Для пробы они выдернут из земли одну морковку.

«Еще маленькая!» Пакамиле вымоет морковку, покажет матери и сгрызет сырой и влажный корнеплод. Они проверят, нет ли вредителей, осмотрят листья – не поражены ли какой болезнью или грибок. Говорить будет он, а Пакамиле будет серьезно кивать и впитывать знания, не сводя с Тобелы своих огромных глаз.

«Малыш без ума от тебя», – уже не раз говорила ему Мириам.

Тобела это знал. Он сам был без ума от мальчика. И от нее. От них.

Но, чтобы к ним попасть, надо успешно преодолеть все препятствия и ловушки, подстерегающие водителей в час пик: таксистов-камикадзе, нахальные «танки»-джипы, автобусы, изрыгающие облака вонючего дыма, безбашенных молодых яппи на «ауди», которые виляют из полосы в полосу, не глядя в зеркало заднего вида, ржавые старые пикапы обитателей рабочих поселков.

По пути надо заехать в «Пик энд Пэй», купить фунгицид для ореха серого. Потом домой.

Директор улыбался. На памяти Янины Менц он улыбался всегда.

– Что за неприятности?

– Они связаны с Джонни Клейнтъесом, сэр. Вот, послушайте сами. – Она поставила ноутбук на директорский стол.

– Сядьте, Янина. – Директор по-прежнему добродушно, обаятельно улыбался; взгляд добрый, как будто он беседует с любимой дочерью.

Какой он маленький, невольно подумалось ей. Он маленький для зулуса, маленький для такой огромной ответственности. Но одет, как всегда, безупречно – белая рубашка резко контрастирует с темной кожей. Темно-серый костюм – олицетворение хорошего вкуса. Одежда сглаживает физическое уродство. Когда он сидит к ней лицом, его горбик почти незаметен. Менц подвела курсор к нужному месту и щелкнула мышью.

– Джонни Клейнтъес, – сказал директор. – Старый мошенник!

Он нажал несколько клавиш, и они услышали мужской голос, слегка искаженный в записи.

– *Это Моника?* – Голос без акцента, но явно принадлежит чернокожему.

– *Да.*

– *Дочь Джонни Клейнтъеса?*

– *Да.*

– *Слушай меня очень внимательно. У твоего папаши небольшие неприятности.*

– *Какие неприятности? – В голосе дочери слышится тревога.*

– *Скажем, так: он кое-что обещал, а обещание свое не выполнил.*

– *Кто вы такой?*

– *Этого я тебе не скажу. Мне поручили кое-что тебе передать. Ты меня слушаешь?*

– *Да.*

– *Моника, очень важно, чтобы ты правильно меня поняла. Ты успокоилась?*

– *Да.*

Недолгая пауза. Менц посмотрела на директора. Выражение лица по-прежнему доброе, тело расслабленное. Он с удобством устроился за широким просторным столом.

– *Твой папаша говорит, что в сейфе, в его кабинете, лежит внешний жесткий диск.*

Молчание.

– *Моника, ты меня слушаешь?*

– *Да.*

– *Он говорит, ты знаешь, как открыть сейф.*

– *Да.*

– *Хорошо.*

– *Где мой отец?*

– *Он здесь. Со мной. И если откажешься нам помочь, мы его убьем.*

Судорожный вздох.

– *Я... Прошу вас!*

– *Спокойно, Моника! Возьми себя в руки, и ты сумеешь его спасти.*

– *Прошу вас... Кто вы такой?*

– *Бизнесмен, Моника. Твой папаша пытался меня обмануть. А тебе придется все исправить.*

Директор сокрушенно покачал головой.

– Ах, Джонни! – сказал он.

– Вы все равно его убьете.

- Нет, если ты нам поможешь.
- Чем докажете?
- У тебя есть выбор?
- Нет.
- Хорошо. Мы делаем успехи. А сейчас иди к сейфу и достань диск.
- Пожалуйста, подождите, не отключайтесь!
- Я подожду.

Шипение, треск, помехи на линии.

- Янина, когда состоялся этот разговор?
- Час назад, господин директор.
- Быстро работаете. Молодец.
- Спасибо, но заслуга принадлежит группе наблюдения. Они очень толковые ребята.
- Звонили Монике домой?
- Да, сэр.
- Янина, как вы думаете, о каких данных идет речь?
- Сэр, я теряюсь в догадках – у меня столько версий...

Директор участливо улыбнулся. Лучики-морщинки вокруг глаз углубились, придавая ему еще более благородный вид.

- Но нам следует предположить самое худшее?
- Да, сэр. Нам следует предположить самое худшее. – Она не заметила в глазах директора страха. Он был совершенно спокоен.

- Диск... у меня.
- Прекрасно! Моника, у нас остается всего одна проблема.
- Какая?
- Ты в Кейптауне, а я – нет.
- Я привезу вам его.
- Привезешь? – Приглушенный смех.
- Скажите только куда.
- Скажу, дорогуша, но заруби себе на носу: я не намерен ждать целую вечность.
- Понимаю.
- А мне кажется, не понимаешь. Моника, у тебя всего семьдесят два часа. А путь пред-

стоит долгий.

- Куда я должна привезти диск?
- Ты готова это сделать?
- Да.

Еще одна пауза: долгая, затянувшаяся.

- Тогда встречаемся в фойе отеля «Республика». Через семьдесят два часа.
- В отеле «Республика»?
- В Лусаке, Моника. Лусака находится в Замбии.

Они услышали резкий вздох.

- Ты поняла?
- Да.
- Смотри не опаздывай! И не делай глупостей. Твой папаша, знаешь ли, уже немолод.

Старику ничего не стоит умереть.

Связь прервалась.

Директор кивнул.

- Это не все, – уверенно сказал он и добавил: – Он знал все заранее.
- Да, сэр.

Янина снова застучала по клавиатуре. Послышались звуки набираемого номера. Потом пошли звонки.

– Да?

– Можно поговорить с Крошкой?

– Кто его спрашивает?

– Моника.

– Подождите. – Видимо, говорящий прикрыл микрофон рукой, потому что голос его звучал приглушенно: – Крошку ищет бывшая подружка!

Потом новый голос:

– Кто говорит?

– Моника.

– Крошка здесь больше не работает. Уже почти два года.

– Вы не знаете, где его можно найти?

– Попробуйте позвонить в мотосалон «Моторрад».

– Спасибо.

– Кто такой Крошка? – спросил директор.

– Сэр, мы прикладываем все усилия, чтобы выяснить, кто он такой. В нашей базе его нет. Номер, который она набирала, принадлежит Орландо Арендсе. Его мы тоже не знаем. Но наводим справки.

– У вас есть и еще кое-что.

Янина кивнула и снова пустила запись.

– «Моторрад».

– Будьте добры, позвоните, пожалуйста, Крошку.

– Крошку?

– Да.

– По-моему, вы ошиблись номером.

– Крошку Мпайпели.

– А, Тобелу. Он уже уехал домой.

– Он мне срочно нужен.

– Подождите.

Шуршание бумаги, приглушенное ругательство.

– Вот его номер: 555-7970. Может, дозвонитесь.

– Большое спасибо!

Связь прервалась. Еще один звонок.

– Алло!

– Будьте добры, позвоните, пожалуйста, Крошку Мпайпели.

– Крошку?

– Тобелу.

– Он еще не приехал.

– А когда будет?

– Кто его спрашивает?

– Меня зовут Моника Клейнтъес. Я... он знает моего отца.

– Обычно Тобела приезжает домой без четверти шесть.

– Мне нужно срочно поговорить с ним. Дело очень важное. Вы не можете сказать мне ваш адрес? Мне необходимо видеть его.

– Мы живем в Гугулету. Авенио Мбеки, двадцать один.

– Спасибо.

– Одна группа следит за Моникой Клейнтъес, а еще одну группу мы отправили в Гугулету. Дом принадлежит миссис Мириам Нзулувази; по-моему, она и ответила на звонок. Мы выясним, в каких отношениях она состоит с Мпайипели.

– Тобелой Мпайипели, также известным как Крошка. И что же вы намерены делать дальше?

– Агент, который следит за Моникой, сообщает, что она едет в сторону аэропорта. Скорее всего, направляется в Гугулету. Как только мы убедимся окончательно, я отдам приказ доставить ее сюда.

Директор сложил на полированной столешнице маленькие ручки.

– Я хочу, чтобы вы немного подождали.

– Слушаю, сэр.

– Посмотрим, как будут разворачиваться события.

Она кивнула.

– А еще, по-моему, вам стоит вызвать Мазибуко.

– Простите, сэр?

– Сажайте ОБР на самолет, Менц. На быстрый самолет.

– Но, сэр... У меня все под контролем!

– Знаю. Я вам абсолютно доверяю, но, когда покупаете «роллс-ройс», иногда и с ним нужно провести тест-драйв. Проверить, стоит ли он тех огромных денег, что мы за него платим.

– Но отряд быстрого реагирования... Директор поднял маленькую, тонкую ручку:

– Даже в том случае, если Мазибуко и его ребятам ничего не придется делать, им не мешает размяться. И потом, никогда ничего не знаешь заранее.

– Слушаю, сэр.

– Кроме того, нам известно, куда предстоит везти диск с данными. Мы знаем, где находятся похитители. Можно сказать, мы проводим испытания в безопасном режиме. Все под контролем.

– Да, сэр.

– Они могут быть здесь... – директор глянул на свои часы в корпусе из нержавеющей стали, – через два часа двадцать минут.

– Так точно, сэр.

– Разворачивайте оперативный штаб.

– Сейчас же приступаю, сэр.

– Янина, назначаю вас главной. Постоянно держите меня в курсе. Но операция всецело в ваших руках.

– Спасибо, сэр!

Ей устраивают экзамен. Ей, ее группе, Мазибуко и ОБР. Она уже давно этого ждет.

3

Мальчик не ждал его на углу улицы, и в сердце Тобелы закралось дурное предчувствие. Потом он увидел, что перед домом Мириам стоит такси. Не маршрутка, а седан, «тойота-крессида» с желтым маячком на крыше и надписью: «Кейптаунское такси». В их квартале такая машина смотрелась особенно неуместно. Он повернул на грунтовую дорожку, подъехал почти к самому дому и слез с мотоцикла – точнее, не слез, а просто осторожно спустил ноги на землю. Отвязал от заднего сиденья коробку из-под обеда и пакет с фунгицидом, купленным по дороге домой, аккуратно смотал веревку и поднялся на крыльцо. Парадная дверь была открыта.

Мириам, увидев его, встала с кресла; он поцеловал ее в щеку и сразу почувствовал, что ей не по себе. Тобела сразу понял почему – в другом кресле сидела незнакомая женщина. Она не встала, чтобы поздороваться с ним.

– К тебе приехала мисс Клейнтес, – сказала Мириам.

Тобела положил вещи, повернулся к гостье, протянул руку.

– Моника Клейнтес, – представилась гостья.

– Очень приятно. – Не в силах больше ждать, Тобела повернулся к Мириам: – Где Пакамиле?

– У себя в комнате. Я попросила его подождать там.

– Извините, – сказала Моника Клейнтес.

– Чем могу вам помочь?

Тобела оглядел незнакомку: пухленькая цветная женщина в свободном дорогом костюме: блузка, юбка, чулки, туфли на низком каблуке. Ему с трудом удалось подавить раздражение.

– Я дочь Джонни Клейнтеса. Мне нужно поговорить с вами наедине.

Сердце у него екнуло. Джонни Клейнтес! Прошло столько лет...

Мириам горделиво выпрямилась:

– Я буду на кухне.

– Нет, – возразил Тобела. – От Мириам у меня секретов нет.

Но Мириам все равно вышла.

– Извините, пожалуйста, – повторила Моника.

– Чего хочет от меня Джонни Клейнтес?

– Он попал в беду.

– Джонни Клейнтес, – механически повторил Тобела. На него нахлынули воспоминания. Да, если Джонни Клейнтесу нужна помощь, он обязательно обратится к Тобеле. Теперь понятно.

– Пожалуйста, – молила Моника.

Он заставил себя вернуться в настоящее.

– Сначала я должен поздороваться с Пакамиле, – сказал он. – Вернусь через минуту.

Он вышел на кухню. Мириам стояла у плиты и рассеянно смотрела в окно. Он тронул ее за плечо, но ответа не получил. Он прошел по коридорчику, толкнул дверь в детскую. Пакамиле лежал на кровати и читал учебник. Когда Тобела вошел, мальчик поднял глаза.

– Разве мы сегодня не пойдем в огород?

– Здравствуй, Пакамиле.

– Здравствуй, Тобела.

– Мы с тобой обязательно пойдем в огород. После того, как я побеседую с нашей гостьей. Мальчик медленно и серьезно кивнул.

– Как у тебя прошел день?

– Все хорошо. На перемене мы играли в футбол.

– Ты забил гол?

– Нет. Голы забивают только большие мальчики.

– Ты и есть большой мальчик.

Пакамиле только улыбнулся в ответ.

– Сейчас я побеседую с нашей гостьей. А потом мы пойдем в огород. – Он погладил мальчика по голове и вышел. Ему было здорово не по себе. Имя Джонни Клейнтъес не сулило ничего, кроме неприятностей. Он, Тобела, сам навлек беду на свой дом.

Они шагали в ногу по парадному плацу первого парашютно-десантного батальона, известного под названием «Летучие мыши». Капитан Тигр Мазибуко шел на шаг впереди, Малыш Джо Морока чуть поотстал.

– Это он? – спросил Мазибуко и показал на небольшую группку.

Четверо «летучих мышей» сидели в тени под зонтичной акацией. В ногах приземистого лейтенанта лежала немецкая овчарка – крупная, сильная собака. Она вывалила язык и тяжело дышала на блумфонтейнской жаре.

– Это он, капитан.

Мазибуко кивнул и снова пошел вперед, взметая с каждым шагом облачка красной пыли. «Летучие мыши», трое белых и один цветной, говорили о регби. Авторитетнее всех разглагольствовал лейтенант. Мазибуко шагнул к нему и, не говоря ни слова, лягнул собаку по голове тяжелым кованым ботинком. Овчарка заскулила и прижалась к сержанту.

– Мать твою! – воскликнул лейтенант, застигнутый врасплох.

– Твоя собака? – спросил Мазибуко.

Лица десантников выражали крайнее недоумение.

– За что ты ее?

Из носа собаки вытекала струйка крови; овчарка привалилась к ноге сержанта. Мазибуко снова ударил пса – на сей раз в бок. Послышался хруст переломанных ребер, заглушаемый криками четверых десантников.

– Ах ты, сволочь... – Лейтенант вскочил и бросился на Мазибуко. Первый его удар попал в цель.

Мазибуко отступил на шаг, улыбнулся.

– Вы все свидетели. Лейтенант ударил меня первым.

И он неспешно принялся молотить своего противника.

Прямой правой в лицо. Ногой в коленную чашечку. Лейтенант начал падать вперед, и Мазибуко ударил его коленом в лицо. Белый опрокинулся навзничь. Из сломанного носа хлынула кровь.

Мазибуко отступил назад, расслабленно опустив руки.

– Лейтенант, сегодня утром вы обидели моего подчиненного. – Он показал через плечо на Малыша Джо Мороку. – Вы натравили на него своего пса.

Лейтенант закрывал рукой сломанный нос. Другой он возил по земле, пытаясь опереться и встать. Два десантника подошли ближе. Сержант стоял на коленях возле собаки, которая лежала неподвижно.

– А-а... – простонал лейтенант, глядя на окровавленную ладонь.

– Никто не смеет обижать моих ребят, – сказал Мазибуко.

– Он не отдал мне честь, – оправдывался лейтенант, с трудом поднимаясь. Его коричневая гимнастерка была вся в крови.

– И поэтому ты натравил на него собаку?

Мазибуко шагнул вперед. Десантник инстинктивно выставил вперед руки. Мазибуко схватил его за ворот, рванул на себя и ударил лбом в сломанный нос. Лейтенант снова полетел ничком. В полуденном солнце взметнулась красная пыль.

В нагрудном кармане у Мазибуко зачирикал сотовый телефон.

– Гос-споди, – сказал сержант, – да вы его убьете! – И он склонился над своим командиром.

– Не сегодня...

Звонки стали громче; они раздражали.

– Никто не смеет обижать моих ребят! – Мазибуко расстегнул карман и нажал кнопку приема вызова. – Капитан Мазибуко.

Он услышал голос Янины Менц:

– Капитан, готовность номер один. В восемнадцать пятнадцать в Блумспрэйте вас будет ждать самолет «Фал кон-900» из двадцать первой эскадрильи. Как поняли?

– Вас понял, – ответил Мазибуко, не сводя глаз с двух десантников. Но те явно не горели желанием подраться. Они оцепенели от изумления.

– Восемнадцать пятнадцать, Блумспрэйт, – повторила Менц.

– Вас понял, – повторил Мазибуко.

Связь оборвалась. Он сложил телефон и сунул его в карман.

– Пошли, Джо! – скомандовал он. – У нас дела.

Они прошли мимо сержанта, который осматривал раненую овчарку; сержант даже не поднял головы.

– Отец... много раз говорил... если с ним что-нибудь случится, я должна разыскать вас, потому что вы – единственный человек, которому он доверяет.

В ответ Тобела Мпайпели кивнул. Моника говорила нерешительно; он видел, что ей очень не по себе. Она прекрасно понимала, что без спросу вторглась в его жизнь и доставляет им всем беспокойство.

– А сейчас он сделал глупость. Я... мы...

Она с трудом подыскивала нужные слова. Тобела понимал, как нелегко сейчас его госте, но прийти на помощь не спешил. Ему не хотелось, чтобы прошлое повлияло на его теперешнюю жизнь.

– Вы знаете, чем он занимался после девяносто второго года?

– Последний раз я виделся с вашим отцом в восемьдесят шестом году.

– Они... Ему пришлось... Тогда, после выборов, все очень запуталось. Властям снова потребовалась его помощь... Тогда проводилось объединение спецслужб... Само по себе сложное дело. С нашей стороны имелось две, нет, три ветви, а у режима апартеида – еще больше. Сотрудники прежде противоборствующих организаций не желали работать вместе. Скрытничали, лгали, подставляли друг друга. На программу интеграции выделили деньги, но деньги скоро закончились. И все равно, надо было навести порядок. Единственным способом достичь порядка было разбить всех на группы, которые занимались бы разными проектами. Отцу поручили свести воедино все компьютерные данные. Задача была почти непосильной, ведь ему предстоял огромный объем работы! Только на обработку материалов по «Инфоплану» из Претории требовалось несколько лет. Я уже не говорю о компаниях вроде «Денела», поставлявших оружие режиму апартеида. А ведь еще существовали базы данных полиции безопасности, секретной службы, военной разведки и отделений АНК в Лусаке и Лондоне. Четыреста – пятьсот гигабайт информации, куда входило все – от анкетных данных сотрудников до сведений о системах вооружений, списков информантов и двойных агентов. Отцу пришлось сводить все воедино, удаляя сведения, которые могли создать неприятности, и сохраняя информацию, которая могла пригодиться в будущем. Он разработал единую базу данных. Он... В то время я вела у него хозяйство, потому что мать болела. Он говорил, что работа очень его удручает...

Некоторое время Моника молчала, потом открыла большую кожаную черную сумку и вытащила оттуда платок, как будто знала заранее, что расплачется, и готовилась к худшему.

– Отец начал получать какие-то странные приказы, распоряжения, которых явно не одобрили бы ни Мандела, ни министр обороны Нзо. Он встревожился. Сначала он не знал, что делать. Потом решил скопировать кое-какие материалы. Мистер Мпайипели, он боялся, вы ведь понимаете, какие тогда были времена – сплошная неразбериха. Никто не был уверен в завтрашнем дне; некоторые его так называемые сотрудники вставляли ему палки в колеса, а другие пытались спасти свою шкуру. Находились и любители половить рыбу в мутной воде. Тогда многие стремились сделать карьеру – и члены АНК, и белые – по обе стороны баррикады. Поэтому кое-какие данные отец скопировал на жесткие диски и принес домой. Иногда он работал по ночам. Я была не в курсе. Подозреваю, что он...

Моника высморкалась в платок.

– Не знаю, что записано на тех дисках, не знаю, что он собирался с ними делать. Но видимо, он никому их так и не показал. Похоже, он пытался продать сведения. А потом они позвонили, и я солгала, потому что...

– Продать?

– Я...

– Кому?

– Не знаю. – Гостья снова готова была расплакаться, но Тобела не знал, какое чувство владеет Моникой сильнее – жалость к отцу или ужас по поводу того, что совершил Джонни Клейнтъес.

– Почему?

– Почему он пытался продать сведения? Не знаю.

Тобела удивленно поднял брови.

– Как только он закончил свою часть работы, его выгнали. Точнее, настоятельно посоветовали выйти в отставку. По-моему, он не хотел становиться пенсионером. Не был готов.

Тобела покачал головой. Наверное, дело не только в пенсии.

– Мистер Мпайипели, не знаю, зачем он так поступил. С тех пор как моя мать умерла... да, мы живем в одном доме с отцом, но у меня своя жизнь. По-моему, ему стало одиноко. Не знаю, что творится в голове старика, когда он весь день сидит дома и читает «белые» газеты. Он сыграл важную роль в борьбе с режимом апартеида, а после победы его отправили в отставку. В свое время он был крупной фигурой. В Европе его уважали. Он был важной персоной, а сейчас стал никем. Может быть, ему хотелось еще хотя бы раз почувствовать себя игроком. Я сознавала, как ему горько. И как он устал. Но я не думала... Может быть... он просто хотел привлечь к себе внимание? Не знаю. Просто не знаю.

– Он говорил, что именно огорчило его в тех сведениях, которые он обрабатывал?

Моника заерзала в кресле; глаза скользнули в сторону.

– Нет. Иногда он замечал, что там содержатся ужасные вещи...

– А конкретнее?

Она посмотрела на него.

– Так что же? – спросил Тобела.

– Мне позвонили. Сказали, что из Лусаки. У них есть какие-то жесткие диски, но это не то, что им нужно. Мне велели взять еще один диск из отцовского сейфа.

Тобела посмотрел ей в глаза. Вот оно!

– За семьдесят два часа я должна доставить диск в Лусаку. Если не успею, они убьют отца.

– Не очень-то они щедры.

– Да.

– Зачем же тогда вы напрасно тратите время и сидите здесь?

– Мне нужна ваша помощь. Пожалуйста, отвезите им диск... Спасите отца... ведь они убьют его! А меня... – она приподняла подол своей длинной и широкой юбки, – не назовешь быстроногой.

Тобела увидел дерево и металл – искусственные ноги.
– Да и толку от меня мало.

* * *

Тигр Мазибуко, в камуфляже и черном берете, стоял под крылом «Фалкона-900», широко расставив ноги и заложив руки за спину. Он следил за тем, как двенадцать человек грузят в самолет ящики с боеприпасами.

Он ждал этого три года и два месяца. Да, уже больше трех лет прошло с тех пор, как Янина Менц с досье в руках пришла забрать его, молодого лейтенантика, из разведки.

– Ты крутой парень, Мазибуко. Но достаточно ли ты крут?

Как же трудно было принять ее всерьез! Такая цыпочка. Белая женщина, которая распорядается тихим голоском. Но его тогдашние командиры ее послушались. Уж слишком она была самоуверенной. И умела сыграть на его чувствах.

– Не пора ли избавиться от призрака отца?

Мазибуко вскинулся после первых же ее слов. Последующие события показали, что Менц умеет читать между строк официального личного дела.

– Почему именно я? – все равно спросил он в самолете, когда они летели в Кейптаун.

Менц внимательно посмотрела на него и сказала:

– Надеюсь, ты и сам понимаешь.

Он тогда не ответил, но все равно гадал, в чем дело. Может, все дело в его... талантах? Или в его отце? Ответ он нашел со временем в стопке личных дел (всего сорок четыре), которые ему предстояло тщательно изучить, чтобы отобрать двадцать четыре человека в отряд быстрого реагирования. Постепенно он понял то, что Менц понимала с самого начала. Когда проанализировал личные дела и побеседовал с кандидатами, посмотрел им в глаза и увидел в них безжалостность. И голод.

Вот что их всех объединяло.

Главным была ненависть к себе, о которой никто из них ни на миг не забывал.

– Мы готовы, капитан, – сказал Да Коста.

Мазибуко вышел из-под крыла:

– Пошли! Начинаем работать.

Да, они были готовы. На подготовку ушло три года. Четыре месяца на то, чтобы сколотить отряд, выбрать их по одному. Снова и снова отделять зерна от плевел, до тех пор, пока их не осталось двадцать четыре, две группы по двенадцать человек в каждой, ровно столько, сколько требовалось для «моего ОБР», как собственнически отзывался о них горбун-директор. Только тогда началась настоящая подготовка – закалка, обточка.

Мазибуко захлопнул дверь «фалкона» за половиной его отряда. Какие только клички они сами себе не давали! «Две чертовы дюжины», «Черные дрозды», «Призраки-убийцы»... Два года и два месяца их натаскивали лучшие инструкторы, каких можно было добыть за деньги или путем долгих дипломатических переговоров. Из них создали других людей. Их помещали в такие условия, в которых, казалось, невозможно было выстоять – ни физически, ни психологически. Их тренировали по очереди. Одну группу отправляли «в поле». Эта группа называлась «команда Альфа». Вторую группу, «команду Bravo», держали в резерве. Потом группы менялись ролями. «Альфа» становилась «Bravo» и наоборот. Иногда ребята переходили из группы в группу, но они были единым целым. Их объединяли незримые связи. Кровь и пот, тяжесть физических нагрузок. И дополнительный фактор – психологический зуд, общий психоз, их общее проклятие.

Они сидели в самолете и наблюдали за ним – лица их светились ожиданием, абсолютным доверием и восхищением.

– Пора надрать им задницы! – сказал Мазibuко.
Все дружно, в унисон, заревели.

4

ЦРУ

Аналитическая справка

Кому: помощнику заместителя директора (отдел Ближнего Востока и Африки), штаб-квартира ЦРУ, Лэнгли, Вирджиния.

Составил: Люк Джон Пауэлл (старший спецгент по странам юга Африки), Кейптаун, ЮАР.

Тема: Южная Африка – десять лет спустя.

I. Введение

Прошло десять лет с тех пор, как тогдашний президент Южной Африки Ф.В. Де Клерк произнес знаменитую февральскую речь, в которой отменил запрет на деятельность Африканского Национального конгресса (АНК), движения сопротивления чернокожего населения, освободил из заключения Нельсона Манделу и начал переговорный процесс по вопросу о передаче власти чернокожему большинству.

После полной победы на первых по-настоящему демократических выборах, проведенных восемь лет назад, АНК с Манделой во главе стала правящей партией.

Мандела (или, как его ласково называют, Мадипа) провел на посту президента пять лет – до 1999 года. Его, после еще одной сокрушительной победы АНК на выборах, сменил ныне действующий президент Табо Мбеки.

Несмотря на серьезные проблемы (высокая безработица, уровень преступности и падение курса местной валюты, ранда), Южная Африка стабильна в политическом и экономическом отношении – особенно если сравнить ее с другими африканскими странами. И это несмотря на то, что в стране насчитывается одиннадцать официальных языков и культурных групп (включая коса, зулусов, тсвана, сото, ндебеле и африканеров). В ЮАР девять провинций и нет единой столицы; органы исполнительной власти, парламент и Верховный суд расположены в разных городах.

II. Разведывательные службы

После выборов 1994 года перед правительством АНК встала гигантская задача по интегрированию трех основных ветвей спецслужб:

- военная разведка. В ходе долгого, часто трудного, но в конечном итоге сравнительно успешного процесса были объединены следующие структуры: служившие белому режиму Южноафриканские силы самообороны (ЮАСС); боевое крыло АНК «Умконтэ ве сизве» (что в переводе с языка коса означает «Копье нации») и боевое крыло Панафриканистского конгресса (ПАК – еще одна, более экстремистская, чем АНК, фракция, противостоявшая режиму апартеида), а также «Армия освобождения народа Азани» (АОНА);*

- разведывательные структуры. Гораздо быстрее, хотя и в более тайном режиме, прошло объединение бывшей Национальной разведывательной службы (НРС) режима апартеида и спецслужб АНК и ПАК в новое Национальное разведывательное управление (НРУ), которое часто называют просто Управлением. Оно отвечает за национальную безопасность.*

Прежняя Секретная разведывательная служба (СРС), она же Служба госбезопасности, была преобразована в Секретную службу ЮАР и занимается внешней разведкой.

Кроме того, прежняя полиция Южной Африки была преобразована в Южноафриканскую полицейскую службу (ЮАПС), в которую влилась и прежняя служба безопасности.

Межведомственные распри и верность прежнему правительству вынудили правительство АНК в конце девяностых годов прошлого века создать еще одну структуру, Президентское разведывательное агентство (ПРА). Главной задачей ПРА является контрразведка, слежка за сотрудниками других спецслужб, а также сбор сведений, касающихся как внутренней, так и внешней безопасности.

Они сидели на кухне и смотрели в окно на мальчика, который стоял на грядке с овощами.

– Я никогда не говорила ему, что мужчины всегда уходят. Теперь он все поймет сам.

– Я вернусь, – возразил Мпайипели.

Она покачала головой.

– Мириам, клянусь...

– Не надо, – сказала она.

– Я... Мириам, я многим обязан Джонни Клейнтъесу.

Ее голос был негромким. Так было всегда, когда она злилась.

– Помнишь, что ты мне обещал?

– Помню.

– Что ты тогда говорил, Тобела?

– Я сказал, что я не дезертир.

– А что сейчас?

– Это всего на один-два дня. Потом я вернусь.

Мириам снова покачала головой, словно ею владело дурное предчувствие.

– Я обязан ему помочь. Должен.

– Ты должен?! Ты ничего никому не должен. Откажись. Скажи «нет». Пусть сами выпутываются из неприятностей. Ты ничего им не должен!

– Я многим обязан Джонни Клейнтъесу.

– Ты говорил, что больше не можешь жить той жизнью. Ты сказал, что покончил с прошлым!

Тобела глубоко вздохнул. Повернулся кругом – к ней спиной. И руки его, и голос умоляли:

– Так и есть. Я так сказал. И я не шутил. Ничего не изменилось. Ты права – я могу отказаться. Мне решать... Но нужно выбрать верный путь. Я должен поступить правильно, Мириам, чтобы не перестать себя уважать. Выбирать бывает трудно. А иногда – очень трудно.

Тобела заметил, что она прислушивается к его словам, и понадеялся на то, что она все-таки поймет.

– Мой долг перед Джонни Клейнтъесом – долг мужчины; это долг чести. Честь – не только забота о тебе и Пакамиле, не только возвращение домой каждый вечер и не только работа в рамках закона и не связанная с насилием. Честь означает также и то, что я обязан платить по счетам.

Мириам промолчала.

– Ты меня понимаешь?

– Я не хочу тебя потерять, – произнесла она тихо, почти неслышно. – И не думаю, что он может себе позволить тебя потерять. – Взглядом она указала на мальчика, который играл за окном.

– Вы меня не потеряете. Обещаю. Я вернусь. Раньше, чем ты думаешь.

Она повернулась к нему, обняла за талию и отчаянно крепко прижала к себе.

– Раньше, чем ты думаешь, – повторил он.

III. «Прежние связи»

Чтобы верно оценить ситуацию со спецслужбами в современной Южно-Африканской Республике, необходимо помнить, какие альянсы существовали до создания в 1992–1994 годах так называемой «новой Южной Африки»:

- *правительство белого меньшинства, возглавляемое Национальной партией в 1980-х годах, было тесно связано как с МИ-5 и МИ-6 Великобритании, так и с американскими разведслужбами, особенно с ЦРУ.*

Последнее принимало участие в ряде совместных антикоммунистических операций в Африке вместе с бывшими службами военной разведки минобороны ЮАР в Анголе, Намибии, Зимбабве, Танзании и Мозамбике. Кроме того, в конце 1970-х годов ЦРУ снабжало Преторию разведанными во время войны белого режима против спонсируемого СССР и Кубой коммунистического правительства Анголы;

- *АНК, будучи запрещенной антиправительственной организацией в изгнании, поддерживал весьма тесные связи со странами так называемого Восточного блока и получал солидные денежные вливания и военную поддержку от бывшего СССР (сотрудничество с КГБ), бывшей ГДР (Штази), Кубы, Ливии, Организации освобождения Палестины (ООП) и в меньшей степени Ирака и других мусульманских стран;*

- *у ПАК более тесные связи с исламскими экстремистами (например, с Ираном) и ООП.*

IV. Исламистские группировки в Южной Африке В 1999 году в Кейптауне схвачен скрывавшийся там Халфан Хамис Мохаммед, агент Аль-Каиды, на которого охотились и ФБР, и ЦРУ после бомбардировки американского посольства в Танзании.

Южно-Африканская Республика никоим образом не является мусульманским государством, но среди последователей ислама в Западной Капской провинции имеется небольшое количество экстремистов, разделенных на несколько разрозненных организаций, сочувствующих Аль-Каиде:

- *«Мусульмане против незаконных лидеров» (МПНЛ);*

- *«Квибла» (слово означает «направление, в котором верующий ориентируется для намаза»), крайне левая и агрессивная группировка;*

- *ПАГАД, то есть «Люди против бандитизма и наркотиков»; народные мстители, известные актами самосуда против наркобаронов в бывшем гетто Кейп-Флэтс. Самая известная из исламистских группировок и наименее опасная из них.*

Самая большая комната на седьмом этаже Уэйл-стрит Чемберс называлась оперативным штабом. За прошедшие два года ею пользовались лишь восемь раз – для «проверки боеготовности», как Менц именовала ежеквартальные учения своих подчиненных, в ходе которых проверялось и оборудование. Блок из двенадцати мониторов на восточной стене был связан с цифровым и аналоговым спутниковым телевидением, сведен в замкнутую цепь и оснащен всем необходимым для проведения телеконференций. Шесть настольных компьютеров, установленных вдоль северной стены, были подключены к локальной сети оптоволоконным кабелем и подсоединены к магистральному каналу. Рядом с входной дверью находились цифровые приемник и передатчик для радиосети, сотовый и стационарный телекоммутатор с восемнадцатью закрытыми линиями и также с возможностью проведения телеконференций. На южной стене висел большой экран для видеопроектора, подвешенного к потолку. В центре зала стоял большой овальный стол, за которым сейчас сидели шестнадцать человек, хотя свободно могли разместиться и двадцать.

У всех шестнадцати имелись серьезные основания полагать, что их вызвали в оперативный штаб не на обычные учения. Войдя, Янина Менц сразу почувствовала напряженность; подчиненные провожали ее взглядами, еле скрывая любопытство. Должно быть, уже поползли слухи. Прослушка телефонных переговоров подтвердила, что наверху кому-то что-то стало

известно. Знающие люди обменивались многозначительными кивками, словно подтверждая: да, что-то в самом деле затевается. Их не столь прыткие коллеги лишь завистливо строили догадки и расспрашивали знакомых, пытаясь разузнать хоть что-то.

Вот почему все шестнадцать пар глаз сосредоточились на Янине Менц. Раньше подчиненные сомневались в способностях своей новой начальницы. На первых порах, когда директор поручил ей подобрать людей для новой спецслужбы, сотрудники подвергали сомнению ее таланты и не считали, что такая руководительница способна завоевать у них авторитет. Коллектив был преимущественно мужским, да и на прежних местах работы представительниц слабого пола было мало, среди начальства – тем более. Ее проверили на прочность. Оказалось, что грубость и намеренное хамство ее не задевают, откровенная агрессия не провоцирует, плохо скрываемый антифеминизм не смущает. Вскоре стали известны подробности биографии новой начальницы: она выросла в сельской местности, отличалась блестящими успехами в учебе, вступила в АНК, постепенно продвигалась по партийной линии. Ее карьеру нельзя было назвать стремительной, потому что она была белая, из семьи африканеров, и к тому же где-то по пути успела выйти замуж и развестись. Наконец ее таланты обнаружил директор.

Постепенно подчиненные начали по-настоящему уважать ее за то, чего она достигла, и за то, как она добилась успеха.

Вот почему она так уверенно входила в зал. Перед тем как начать, взглянула на часы:

– Всем добрый вечер!

– Добрый вечер, миссис Менц! – радостно закричали все.

По распоряжению директора у них принят был официальный стиль общения. Янина Менц держалась подчеркнуто собранно.

Усаживаясь во главе длинного стола, рядом с ноутбуком, подключенным к видеопроектору, Менц ловко подоткнула под себя подол серой юбки и включила проектор.

– Начну с самого главного: отныне наш оперативный штаб официально является оперативным штабом. Это не учебная тревога.

В зале зашушукались.

– Пусть у вас не останется сомнений в том, что дело серьезное. Мы все долго и усердно трудились, и сейчас нам предстоит применить наши навыки и способности на практике. Я рассчитываю на вас.

Все с энтузиазмом закивали.

Менц включила ноутбук и вошла в программу «Пауэр-пойнт».

– Снимок, который вы видите, был сделан девятнадцать дней назад у входа в американское посольство в ходе обычной агентурной проверки. Человек, выходящий из здания, – Джонни Клейнтъес, один из бывших руководителей разведывательных структур АНК. Он изучал математику и прикладную математику в университете Западной Капской провинции, но из-за своих политических взглядов, расовой дискриминации и преследований со стороны службы безопасности прежнего режима так и не получил диплома о высшем образовании. С 1972 года находился в ссылке. Он быстро сделал себе имя в АНК, занимал ответственные посты в лондонской штаб-квартире «Копья нации». Женится в 1973 году. Начиная с 1976 года проходил спецподготовку в бывшей ГДР. Специализировался на сборе разведанных. Благодаря выдающимся данным в области информтехнологий получил кличку Умтакати, то есть мудрец. В восьмидесятых годах прошлого века Клейнтъес налаживал компьютерные базы данных АНК в Лондоне, Замбии и Анголе. Что более важно, начиная с 1995 года он возглавлял проект по интеграции компьютерных систем и баз данных сил сопротивления и прежнего режима. В 1997 году, в возрасте шестидесяти двух лет, Клейнтъес вышел на пенсию после того, как его супруга скончалась от рака. Сейчас проживает совместно с единственной дочерью Моникой.

Янина Менц подняла голову. Подчиненные не сводили с нее взглядов.

– Вопрос в следующем: что делал Джонни Клейнтес в американском посольстве? Ответ: мы не знаем. В тот же вечер мы поставили на прослушивание домашний телефон в доме Клейнтесов.

Она щелкнула кнопкой мыши. Еще одна фотография – черно-белая. На фотографии начинающая полнеть женщина стоит у распахнутой дверцы машины. Судя по зернистости фото, ее снимали издали с помощью телеобъектива.

– Это Моника Клейнтес, дочь Джонни Клейнтеса. Типичная дочь ссыльных. Родилась в 1974 году в Лондоне, там же пошла в школу. Вернулась на родину позже родителей, так как заканчивала учиться. Специализировалась в области вычислительной техники. В результате несчастного случая, произошедшего в 1980 году недалеко от Манчестера – она попала под машину, – лишилась обеих ног. Передвигается на протезах и отказывается пользоваться костылями или другими вспомогательными средствами. В свете современной политики ликвидации последствий расовой дискриминации – настоящая мечта для любого начальника отдела кадров! Цветная женщина-инвалид. Сейчас она работает заведомом техподдержки в крупнейшей страховой компании «Санлам».

Менц быстро нажала на несколько клавиш.

– Вот основные игроки, чьи снимки у нас имеются. Следующие разговоры были записаны нашей группой прослушивания сегодня днем.

Тобела и Пакамиле склонились над большим синим атласом, разложенным на кухонном столе. Рядом лежал журнал «Нэшнл джиографик». Каждый вечер они занимались географией. Стул Мириам, как всегда, немного сзади, на коленях у нее шитье. Сегодня они читали про Чили: там, на западном побережье Южной Америки, есть место, где ветер и дождь выточили из камня фантастические, причудливые фигуры, где уникальные растения создали ложный рай, а животных почти нет. Тобела сначала читал по-английски, как было написано, чтобы мальчик лучше усваивал язык, а потом абзац за абзацем переводил на коса. Потом они открыли атлас и нашли Чили на карте мира, после чего стали рассматривать карты самой страны.

Они никогда не прочитывали больше двух страниц, потому что Пакамиле быстро уставал, если только речь в статье не шла о какой-нибудь страшной змее или других хищниках. Но сегодня привлечь его внимание было труднее, чем обычно. Глаза мальчика все время косились на синюю спортивную сумку, стоящую у двери. Наконец Мпайипели сдался:

– Пакамиле, мне придется уехать на день или два. Мне надо сделать одно дело. Помочь старому другу.

– Куда ты едешь?

– Сначала обещаю, что никому не расскажешь.

– Почему?

– Потому что я хочу устроить другу сюрприз.

– У него день рождения?

– Что-то вроде.

– Даже Джонсону нельзя говорить?

– Джонсон может рассказать отцу, а отец может позвонить моему другу. Эту тайну должны знать только мы трое.

– Я никому не скажу.

– Знаешь, где на карте находится Замбия?

– Она в... провинции Мпумаланга?

При обычных обстоятельствах Мириам бы обязательно улыбнулась ошибке сынишки. Но сегодня ее лицо осталось бесстрастным.

– Пакамиле, Замбия – это страна. Сейчас покажу. – Мпайипели пролистал атлас и нашел карту Южной Африки. – Вот где мы. – Он показал пальцем.

– Кейптаун.

– Да. А выше, вот видишь – Замбия.

– Тобела, как же ты туда попадешь?

– Сначала я полечу на самолете в Йоханнесбург. Потом пересяду на другой самолет, который летит через Зимбабве или, может быть, через Ботсвану, и попаду вот сюда. Этот город называется Лусака. Большой город, как Кейптаун. Там и находится мой друг.

– Это далеко, Тобела?

– Примерно две с половиной тысячи километров.

– Очень далеко!

– Да.

– Тебя угостят тортом и лимонадом?

– Надеюсь.

– Я тоже хочу с тобой.

Тобела рассмеялся и посмотрел на Мириам. Та только покачала головой.

– Пакамиле, когда-нибудь я возьму тебя с собой. Обещаю.

– Пора спать, – заявила Мириам.

– Когда ты улетишь?

– Прямо сейчас, когда ты ляжешь спать.

– А когда вернешься?

– Всего через две ночи. Пакамиле, береги маму. И заботься об огороде.

– Хорошо. А ты привезешь мне торт?

– Непредсказуемое явление – это Тобела Мпайипели, – сказала Янина Менц. – Мы не знаем, почему Моника Клейнтъес к нему обратилась. Вы слышали все разговоры – он также известен под кличкой Крошка, работает в салоне, который торгует мотоциклами БМВ, живет с Мириам Нзулулвази в Гугулету. Мы знаем, что она является официальной владелицей дома, в котором они проживают, и больше ничего. Клейнтъес подъехала к их дому на такси, пробыла там больше сорока минут, а потом вернулась домой. С тех пор ни Мпайипели, ни Клейнтъес никуда не выезжали.

За ней следит одна группа, а за ним, в Гугулету, – другая. Из Блумфонтейна летит отряд быстрого реагирования; они вот-вот приземлятся в Истерплате. Они пробудут здесь до тех пор, пока мы не соберем всю необходимую информацию. Вот как обстоят дела.

Менц выключила проектор.

– Итак, приступаем! Радебе, сначала ты. В Лусаке у нас всего один человек. Отправь туда еще четверых. Опытных сотрудников. Ближайшее к нам отделение находится в Гаутенге; у них хватает подходящих кандидатур. Предпочтительнее двое мужчин и две женщины, которые могут зарегистрироваться в отеле «Республика» как супружеские пары. Независимо друг от друга, в разное время. В общем, детали разработаешь сам. Постоянно будь на связи. Квинн, нам нужно поставить на прослушку телефон в доме Нзулулвази в Гугулету. Причем срочно. Раджкумар, вводи в дело свою команду. Я хочу знать, кто такой Тобела Мпайипели. Мне все равно, чью базу данных вы взламываете; это дело первоочередной важности. Все, ребята, пошли, пошли, пошли! Двадцать минут на обсуждение – и вперед!

Тигр Мазибуко вышел из самолета последним. Сначала он пропустил ребят из группы «Альфа». Он наблюдал за ними – белыми, черными, коричневыми. У каждого своя биография. Да Коста, мускулистый потомок беженцев из Анголы со шрамом от ножа на щеке и трехдневной щетиной на подбородке. Вейерс, африканер из Гермистона с мускулами бодибилдера. Малыш Джо Морока, тсвана, выросший на кукурузной ферме в Ботавилле, говорит на семи из одиннадцати официальных языков. Купидон, самый низкий, самый разговорчивый, цветной

городской парень из Аштона с дипломом технического колледжа по специальности электронная техника. Есть что порассказать и «потомку королей», как любит называть себя Звелитини, высокий стройный зулус, хотя он не является членом королевской семьи.

Все они выстроились в ряд на взлетно-посадочной полосе. Когда Мазибуко спрыгнул на землю, в лицо ему задул теплый капский бриз.

– Выгружаемся. Быстро! Вы знаете, что делать.

На пороге он обнял Мириам, притянул к себе, вдыхая свойственный только ей аромат, к которому примешивались запахи шампуня, готовки, усталости. Неповторимое тепло, свойственное только ей.

– Мне придется переночевать в Йоханнесбурге, – тихо сказал он ей на ухо. – Самолет в Лусаку вылетает только завтра.

– Сколько она дала тебе денег?

– Много.

Мириам ничего не ответила, только крепче прижала его к себе.

– Я позвоню, как только доберусь до отеля.

Она стояла, положив голову ему на плечо. Наконец отступила и быстро поцеловала в губы:

– Возвращайся, Тобела!

Янина позвонила домой из своего кабинета. Трубку сняла Лин, старшая.

– Здравствуй, мамочка.

– Солнышко, сегодня я задержусь на работе.

– Ма-ам... Ты обещала помочь мне с биологией!

– Лин, тебе уже пятнадцать лет. Пора понять: работа есть работа.

– Я тебя подожду.

– Позови, пожалуйста, Суту. Я хочу, чтобы она осталась у нас на ночь. Потому что сегодня я домой не приду.

– Ма-ам... А как же моя прическа завтра утром?

– Извини, Лин. Дело срочное. Пожалуйста, помогай по хозяйству. Ты ведь старшая. Будь умницей. Лизетта сделала уроки?

– Она весь вечер провисела на телефоне. Ты ведь знаешь, какие глупые эти семиклашки. «Кози что-нибудь говорил обо мне? Как ты думаешь, я нравлюсь Пити?» Она такой ребенок! Просто неприлично!!!

Янина рассмеялась.

– Ты когда-то тоже училась в седьмом классе.

– Мне невыносимо вспоминать об этом. Неужели и я была такой же?

– Была. А теперь дай мне Лизетту. Ложитесь пораньше спать, чтобы выспаться. Тебе нужно сдать экзамен лучше всех. Завтра я позвоню, обещаю.

5

Таксист высадил его у зала вылетов; он расплатился, взял сумку и вышел. Когда он последний раз летал на самолете? Времена изменились; кругом все новое, сверкающее, призвано произвести хорошее впечатление на иностранных туристов.

У стойки авиакомпании «Комэйр» он купил билет за наличные, расплатившись новенькими сторандовыми банкнотами – Моника Клейнтъес дала ему целую пачку.

– Слишком много, – сказал он ей тогда.

– Привезете сдачу, – был ответ.

Сейчас Тобела задумался: откуда деньги? Неужели у нее было время на то, чтобы поехать в банк и снять наличные? А может, Клейнтъес хранит такие крупные суммы дома?

Он поставил сумку на ленту, и ее просветили рентгеном. Две пары брюк, две рубашки, две пары носков, черные туфли, свитер, сумка с туалетными принадлежностями, остатки наличных. И внешний жесткий диск, маленькая плоская коробочка – техника превыше его понимания. Где-то в его электронных недрах скрыты запретные сведения о прошлом его родины.

Ему не хотелось ни о чем думать, да и принимать участие в аванюре душа не лежала; поскорее бы передать диск Джонни Клейнтъесу, убедиться в том, что старик цел и невредим, вернуться домой и продолжать жить по-старому. У них с Мириам и Пакамиле так много планов! Неожиданно он почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд и, обернувшись, заметил двоих в серых костюмах. В нем проснулись прежние инстинкты, из другой жизни. От незнакомцев исходила скрытая угроза. Тобела снова оглянулся, но незнакомцы уже отвернулись. Он решил, что у него просто разыгралось воображение. Он взял сумку и посмотрел на часы. До посадки тридцать три минуты.

– Что будем делать? – спросил Квинн, выжидательно глядя на Янину и сняв наушники.

– Сначала мне нужно знать, куда он направляется.

– Они как раз это выясняют. Он купил билет в «Комэйре».

– Держи меня в курсе.

Квинн кивнул, снова надел наушники и тихо заговорил в микрофон.

– Раджив, что у тебя? – спросила Янина Менц у необычайно толстого индуса, сидевшего за компьютером.

– В справочнике зарегистрировано девять Тобел Мпайипели. Я сверяю даты рождения. Дайте мне десять минут.

Она кивнула.

Почему Моника Клейнтъес обратилась именно к Мпайипели? Кто он такой?

Она подошла к Радебе, который беседовал по телефону с отделением ПРА в Гаутенге. Тем временем в оперативный штаб принесли кофе и бутерброды. Янине не хотелось ни есть, ни пить. Она вернулась к Квинну. Тот только слушал, время от времени взглядывая на нее. Он был спокоен и собран.

Невероятная команда, подумала Янина. Все кончится, не успев даже начаться.

– Он летит в Йоханнесбург, – сообщил Квинн.

– У него с собой только одна сумка?

– Да, только одна.

– Мы совершенно уверены в том, что Моника Клейнтъес у себя дома?

– Она сидит в гостиной перед телевизором. Ее видно через тюлевую занавеску.

Янина обдумала дальнейшие ходы, прикинула возможные проблемы. Должно быть, диск находится у Мпайипели. Можно перехватить его сейчас же и отправить в Лусаку опытных опе-

ративников. Так проще контролировать ситуацию. ОБР пусть пока побудет в резерве: нелегко будет переправить Мазибуко и его ребят в Замбию. Слишком много дипломатических осложнений. Не хочется светиться. Ничего, директор проверит отряд быстрого реагирования в деле как-нибудь в другой раз. Главное – ни в коем случае не допускать утечки. Пусть все идет тихо-мирно.

– Насколько сильная команда собралась в аэропорту?

– Достаточно сильная. Они опытные, – ответил Квинн.

Янина Менц кивнула:

– Квинн, прикажите им взять Мпайипели. Только без шума, мне не нужна драка в аэропорту. Пусть сделают все быстро и незаметно. Потом посадят его вместе с сумкой в машину и привезут сюда.

Тобела поставил сумку на колени, и вдруг ему стало ужасно одиноко. Они с Мириам живут вместе уже больше года. Больше года он проводил вечера в кругу семьи и вдруг снова оказался один, как было в прежние времена.

Он проанализировал собственные реакции. Скучает ли он по Мириам, по Пакамиле? Ответ его удивил, потому что в одиночестве он не нашел утешения. Всю жизнь он полагался только на себя, но за один последний год все круто изменилось. Ему хотелось сейчас быть там, с ними, а не здесь.

Но ему надо выполнить задание.

Джонни Клейнтъес. Тот Джонни Клейнтъес, которого он знал, никогда бы не продался. Должно быть, со стариком что-то случилось, что-то его надломило. Кто знает, что творится там, наверху, в кулуарах нового правительства и новой разведки? Возможно все, хотя... как-то не верится. Джонни Клейнтъес всегда был цельным человеком. Преданным бойцом. Сильный человек с сильным характером. Он обязательно обо всем его расспросит, когда данные будут переданы и Джонни получит деньги. Если все сойдет гладко. Должно сойти.

Тобела забыл об опасности. И вдруг опасность сама напомнила о себе – те двое в серых костюмах. Он не видел, как они подходят, а они подошли сзади, и он очнулся от своих мыслей, как от толчка. Видимо, он стареет – реакции уже не те.

– Мистер Мпайипели? – спросил один.

– Да.

Откуда они знают его имя? Они стояли вплотную, не давая ему встать.

– Мы хотим, чтобы вы поехали с нами.

– Зачем?

– Мы представляем интересы государства, – сказал второй, поднося к его глазам пластиковое удостоверение личности: фотография и национальный герб.

– Мне нужно успеть на самолет, – ответил Тобела. В голове прояснилось, тело напряглось.

– В другой раз, – сказал номер первый.

– Я никому не хочу причинять вреда, – сказал Тобела Мпайипели.

Парни захихикали: очевидно, им в самом деле было смешно.

– Неужели?

– Прошу вас!

– Боюсь, мистер Мпайипели, у вас нет выбора. – Номер первый постучал по синей сумке. – Там у вас...

Что им известно?

– Пожалуйста, – сказал он, – послушайте. Мне не нужны неприятности!

Агент услышал в голосе здоровяка коса умоляющие нотки. Ага, боится! Попробую сыграть на его страхе.

– Мы можем причинить вам больше неприятностей, чем вы себе представляете, приятель, – сказал он, откидывая полу пиджака и демонстрируя пистолет в черной наплечной кобуре. Потом агент протянул руку за сумкой и приказал: – Ну, пошли!

– Ай, ай! – сказал Тобела Мпайипели.

За то время, какое понадобилось, чтобы рука номера первого дотянулась до сумки, ему предстояло принять важное решение. Он кое-что уловил по их поведению: они не хотят привлекать к себе внимание. Хотят тихо увести его отсюда. Он должен этим воспользоваться. Когда номер первый потянулся за сумкой, его куртка распахнулась. Тобела мигом выхватил пистолет, повернул ствол, встал. Номер первый застыл с сумкой в руке; глаза его от изумления чуть не вылезли из орбит. Номер второй стоял за номером первым. Остальные пассажиры не заметили ничего необычного.

– Мне не нужны неприятности. Отдайте сумку.

– Что вы делаете?! – спросил номер второй.

– У него мой пистолет, – прошипел номер первый.

– Возьми сумку, – велел Тобела второму.

– Что?

– Возьми у него сумку и брось туда свой пистолет. – Он сильнее ткнул пистолетом в грудь номеру первому, держа его щитом между собой и вторым.

– Делай, как он велит, – тихо распорядился первый.

Номер второй колебался; он все время переводил взгляд с них на пассажиров, ожидающих вылета, но никак не мог ничего придумать. Наконец он решил.

– Нет, – заявил он, вынимая собственный пистолет и засовывая его под пиджак.

– Делай, что он говорит, – властно и требовательно прошипел номер первый.

– Мать твою, Виллем!

Мпайипели старался сохранять спокойствие.

– Верните сумку, и все. Я не слишком хорошо обращаюсь с револьверами. Здесь много народу. Кто-нибудь может пострадать.

Патовая ситуация. Мпайипели и Виллем стоят почти вплотную, номер второй – в метре от них.

– Господи, Альфред, делай же, что он говорит! Куда он денется?

Наконец номер второй сдался:

– Тебе самому придется объясняться с начальством! – Альфред медленно вытянул сумку из руки Виллема, расстегнул молнию, затолкал внутрь свой пистолет, снова застегнул сумку и осторожно поставил ее на пол, как если бы ее содержимое было бьющимся.

– А теперь садитесь. Оба!

Агенты медленно сели.

Мпайипели взял сумку, по-прежнему сжимая в брючном кармане пистолет, и зашагал к пассажирскому выходу. Быстро обернулся, чтобы проверить, что делают агенты. Номер первый и номер второй, Виллем и Альфред, один белый, другой коричневый, уставились на него с непонятным выражением.

– Сэр, туда нельзя... – сказала женщина на выходе, но он уже прошагал мимо, на взлетную полосу.

Охранник что-то кричал, махал ему рукой, но он выбежал из круга света, из здания в темноту.

* * *

– Есть! Нашел! – закричал Раджкumar, и Менц подошла к его компьютеру. – Тобела Мпайипели, родился десятого октября 1962 года в Алисе в Восточной Капской провинции.

Отец – Лоуренс Мпайипели, мать – Кэтрин Зонгу, удостоверение номер 621010 5122 004. Зарегистрирован по адресу: Митчеллз-Плейн, Семнадцатая улица, дом 45. – Раджкумар с довольным видом откинулся на спинку кресла и взял с подноса очередной сэндвич.

Менц стояла за его креслом и читала с монитора.

– Раджив, мы знаем, что он когда-то и где-то родился. Нам нужно нечто большее.

– Ну надо же было с чего-то начать, – обиженно проворчал Раджкумар.

– Надеюсь, дата его рождения не является дурным предзнаменованием, – сказала Менц.

Раджкумар медленно перевел взгляд с монитора на свою начальницу:

– Не понял.

– Радж, раньше десятого октября мы праздновали День героев. Африканеры поминали своих предков-первопроходцев. Адрес наверняка устарел. Выясни, кто там сейчас живет. Ему сорок лет. Он слишком стар для Моники. И достаточно стар для того, чтобы иметь общие дела с Джонни Клейнтъесом. . .

– Мэм, – обратился к ней Квинн, но ей не хотелось, чтобы ее прерывали.

– Я хочу знать, Раджив, что связывает их с Клейнтъесом. Хочу знать, служил ли он, где служил, когда и как. Мне нужно знать, почему Моника Клейнтъес обратилась со своей маленькой проблемкой именно к нему!

– Мэм! – снова позвал Квинн, гораздо настойчивее.

Менц подняла голову.

– Он сбежал.

* * *

Тобела несся в самый темный угол аэропорта, не останавливаясь ни на секунду и напряженно вслушиваясь: не раздастся ли вой сирен, крики, выстрелы. Он злился на Монику, на Джонни Клейнтъеса – и на себя. Интересно, откуда властям вдруг стало известно о небольшой сделке Джонни Клейнтъеса?

Те двое в серых костюмах знали, как его зовут. Один постучал пальцем по его синей сумке. Значит, им известно, что там находится. Его вели с тех пор, как он вошел в здание аэропорта, знали что-то о нем. Должно быть, они следили за Моникой, а она привела их к его дому. Черт бы их всех побрал! Они знают все! Он бежал, оглядываясь через плечо. За ним никто не гнался. Он ведь поклялся себе: больше никакого насилия. Два года он сдерживал клятву. Не стрелял, никого не избивал, даже не угрожал. Он обещал Мириам, что черные дни остались в прошлом. И вот за тридцать секунд после того, как к нему подошли двое в серых костюмах, все его обещания пошли прахом, а он ведь знает, как бывает, – дальше все будет еще хуже. Если события закрутятся, их уже не остановить. Сейчас лучше всего вернуть сумку дочери Джонни и сказать: пусть Джонни сам выпутывается из неприятностей, в которые угодил по собственной вине. Надо все остановить до тех пор, пока не станет слишком поздно. Прямо сейчас остановить!

Он наткнулся на проволочную ограду. За ней находилась Борчардс-Кверри-роуд. Он тяжело дышал; тело отвыкло от физических нагрузок. По лицу струился пот. Он снова оглянулся; здание аэропорта находилось слишком далеко, чтобы можно было разглядеть отдельных людей, но все было тихо, никакого шума и беготни не наблюдалось.

Значит, его пытались арестовать не полицейские и не таможенники. Аэропорт сейчас переполнен.

Значит. . .

Шпионы.

Все становится понятным, если учесть, какого рода сведения записаны на жестком диске.

Да пошли они! Он не боится шпионов. Он перепрыгнул через ограду.

- Соедини-ка их со мной, – велела Янина Менц, и Квинн нажал кнопку.
- ...ему просто повезло, начальник, вот и все!
- Виллем, ты на связи!
- Вот как...
- Я хочу знать, что случилось, – заявила Янина Менц.
- Он ушел, мэм, но...
- Я знаю, что ушел. Как это произошло?
- Мэм, у нас все было под контролем. – В голосе говорившего слышался благоговейный ужас. – Мы ждали, пока объект пройдет в накопитель. Назвались и попросили его следовать за нами. Нам велели действовать без шума. Он всего лишь механик в мотоциклетной мастерской; сидел, прижимая к себе сумку, как какой-нибудь фермер из глухомани, и выражение такое застенчивое. Он сказал, что ему не нужны неприятности. Я решил, что он испугался. Это я во всем виноват, мэм. Я наклонился, чтобы забрать у него сумку, а он выхватил мой пистолет...
- Выхватил ваш пистолет?!
- Да, мэм. Выхватил. Я... ну... он действовал так... в общем, я не ожидал.
- А потом?
- Потом он взял сумку, в которой был пистолет Альфреда, и убежал.
- Молчание.
- Значит, сейчас у него два пистолета?
- Мэм, по-моему, он не умеет с ними обращаться. Он сам назвал мой пистолет револьвером.
- Да, большое облегчение!
- Виллем ничего не ответил.
- Квинн уныло вздохнул и тихо проговорил в сторону, обращаясь к Менц:
- Я думал, они справятся...
- Мэм, ему просто повезло. Судя по его реакции, мы легко его возьмем, – говорил Виллем.
- Она не ответила.
- Он даже сказал: «Прошу вас, не надо».
- «Прошу вас, не надо»?
- Да, мэм. И мы точно знаем, что в самолете его нет.
- Менц обдумала полученные сведения. В комнате было очень тихо.
- Мэм! – звал голос по радио.
- Что?
- Что нам делать сейчас?

6

Иногда полезно пожуричь подчиненных, показать свое недовольство – не ими самими, но их поступками.

Менц сердито выключила кнопку громкой связи и подошла к компьютеру.

– Все было у нас под контролем. Мы знали, где находится она, где находится он, куда он направляется, как он намерен туда попасть. Все было под контролем!

Голос ее разносился по комнате; она едва сдерживала гнев. Подчиненные поглядывали на нее украдкой.

– Из-за чего же мы утратили преимущество? Из-за недостатка информации! Из-за недостатка ума. Из-за недостаточной быстроты реакции – как здесь, так и там, в аэропорту! В результате мы оказались в невыгодном положении. Мы понятия не имеем, где он находится. Но мы хотя бы знаем, куда он направляется, и знаем, как можно быстрее туда попасть. Но этого недостаточно. Я хочу знать, кто такой Тобела Мпайипели, причем знать немедленно! Я хочу знать, почему Моника Клейнтгес обратилась к нему. И я хочу знать, где он сейчас. Я хочу знать, где диск с данными. Все! И мне наплевать, что вы должны сделать, чтобы добыть нужные сведения!

Она оглядела сотрудников, те опустили глаза в пол.

– Квинн, а те два придурка...

– Да, мэм?

– Пусть пишут рапорт. А когда напишут...

– Что, мэм?

– Пусть уходят. Они у нас больше не работают!

Она вышла из комнаты, жалея, что нельзя хлопнуть дверью. Прошла по коридору в свой кабинет – там как раз имелась дверь, которой можно было хлопнуть, – и бросилась в черное кожаное кресло.

Пусть дураки попотеют.

Пусть поймут, что, если не попотеешь как следует, Янина Менц выгонит и их. Потому что они, черт возьми, не имеют права на ошибку! Она обязана держать данное ей слово.

Директор уже все знал. Он сидел в кабинете в безупречной белоснежной рубашке и все знал, потому что слушал. Он слышал каждое слово, произнесенное в оперативном штабе – и, надо думать, все оценивал: и ее действия, и ее реакции, и ее стиль руководства.

Ей казалось, что прошла целая жизнь с их первой встречи, когда он спросил ее на собеседовании:

– Янина, вы-то сами этого хотите?

Тогда она ответила «да», потому что была белой женщиной, которая работала под руководством чернокожего мужчины, и возможностей у нее было не так много, несмотря на то что ее коэффициент IQ составлял 147, а в послужном списке не было ни одного промаха. Одни мелкие успехи. Подчеркнуть следует слово «мелкие», потому что она до сих пор не получила случая реализовать себя. И вот директор пригласил ее на обед в ресторан «Бухара» в торговом центре на Черч-стрит и изложил перед ней свое видение будущего:

– Янина, вице-президент хочет создать выдающуюся во всех отношениях разведывательную службу. Совершенно новую структуру, никак не связанную с прошлым. В следующем году вице-президент станет президентом. Ему известно, что он не обладает харизмой Нельсона Манделы – нашего Мадибы. Новому президенту предстоит тяжкий труд; придется преодолевать сопротивление на всех уровнях, бороться с подводными течениями как у нас в стране, так и за границей. Я получил карт-бланш, Янина. На создание новой структуры выделены значительные средства. Полагаю, что сегодня я вижу перед собой создательницу такой службы

будущего. Вы талантливая, у вас выдающиеся умственные способности, за вами не тянется груз прошлых ошибок, вы законопослушны и трудолюбивы. Но вопрос состоит в другом: вы сами этого хотите?

О да, она очень хотела возглавить новую службу, больше, чем ему казалось! Прошло одиннадцать месяцев с тех пор, как ее муж воспылил страстью к молоденьким девушкам и заявил ей: «Семейная жизнь не для меня», как если бы во всем была виновата она, как если бы она и дочери в чем-то провинились. А на самом деле единственной причиной была Синди, которая так охотно раздвигала свои длинные ноги. Синди! Псевдохудожница с нечесаными патлами пыталась продавать расписанные вручную батики немецким туристам на Гринмаркет-сквер, а заодно стреляла своими большими карими глазами по женатым мужчинам, пока не поймала одного в капкан из своих твердых грудок без лифчика. Потом счастливая парочка переехала в Мпумалангу, в городок под названием Отдых Пилигрима, чтобы, по словам мужа, «открыть студию для Синди».

Итак, она ответила директору, что согласна. Она не просто хотела работать – страстно жаждала. Она была охвачена гневом отвергнутой женщины – в чем, в чем, а в источнике своего гнева она не сомневалась. Кроме того, ее злость питалась и честолюбием; единственная дочь в семье бедных африканеров, она готова была заплатить любую цену за то, чтобы возвыситься над разрушающим душу, бессмысленным существованием своих родителей. Ее злость питалась и десятилетиями участия в Борьбе; несмотря на все ее таланты, все, чем она могла похвастаться в результате, – место заместителя директора, хотя она способна на большее! Янина прекрасно разбиралась в себе, в своей психике, и была беспристрастна в самооценке. Она умеет летать – и какое имеет значение, откуда дует ветер, поднимающий ей крылья?

Ничего подобного она ему тогда, конечно, не сказала. За обедом она слушала его, говорила холодно и ответила со спокойной уверенностью:

– Да, я хочу этого.

Со следующей же недели они начали вырабатывать общий подход: создание первоклассной разведывательной службы в стране, которая тщится вытащить себя за волосы из болота третьего мира. Новая независимая спецслужба с, так сказать, чистым послужным списком.

Она до сих пор хотела этого. Независимо от того, какую цену ей пришлось заплатить.

Зазвонил телефон – внутренний.

– Менц.

– Янина, зайдите ко мне, пожалуйста, – сказал директор.

Он сел в маршрутку, которая шла в Бельвиль, – первое, что подвернулось. Самое главное – убраться подальше от аэропорта, не важно, в каком направлении; он обдумывал возможные препятствия. Он не может вернуться к Монике Клейнтес, потому что за ней определенно следят. Он не может ей позвонить. Он не может поехать домой. Он не может вернуться в аэропорт – сейчас там их уже, наверное, целые стаи. И если они хоть что-то соображают, они наверняка следят и за вокзалом.

Поэтому поездка на автобусе или на поезде тоже исключается.

Остается вопрос: как попасть в Лусаку?

Он сидел в темноте, зажатый между другими пассажирами, уборщиками, охранниками, рабочими. Возвращаясь домой, люди обсуждали подорожание хлеба, результаты футбольного матча, говорили о политике. Ему вдруг захотелось стать одним из них. Захотелось бросить диск на колени Монике и сказать: «Вы кое-что не учли». А потом вернуться к Мириам и Пакамиле. Тогда завтра он поедет на работу на своей «хонде-бенли», а в обеденный перерыв пройдет пешком к чистильщику обуви Иммануилу и сыграет с ним партию в шахматы, прерываемую вечно болтающими по телефону богатенькими клиентами. И они будут добродушно подшучивать над белыми на коса.

Но от прежней жизни его отделяет синяя спортивная сумка, в которой два пистолета Z88 и штука под названием внешний жесткий диск.

– А вы чем занимаетесь? – спросила Тобелу соседка.

– В настоящее время – путешествую.

Как же ему попасть в Лусаку?

Не скажешь, что он приходит на работу каждый день в шесть утра. Сейчас почти половина девятого вечера, а директор, несмотря на то что ему за пятьдесят, выглядит свежим, отдохнувшим и бодрым.

– Янина, у меня тут один интересный звонок. Сегодня наш Тигр напал на десантника.

– Что значит «напал»?

– Избил. Десантник в госпитале, а его командир начал звонить по начальству. Он жаждет крови.

– Уверена, сэр, что для драки имелся повод.

– Я тоже уверен, Янина. Просто хотел, чтобы вы были в курсе.

– Спасибо, сэр.

– Когда увидите его, спросите о драке.

– Хорошо... Это все, господин директор?

– Все, Янина. Знаю, вы очень заняты. – Директор по-отечески улыбнулся.

Она не спешила уходить. Ей хотелось, чтобы он что-нибудь сказал о работе оперативного штаба; он должен представить дело так, чтобы она заверила его, что все под контролем! Но директор молча улыбался.

Она вышла на лестницу и тут же остановилась.

Знаю, вы очень заняты.

Он ее испытывал, проверял; теперь она поняла это наверняка.

Янина тихо рассмеялась. Если бы он только знал! Она глубоко вздохнула и медленно спустилась по ступенькам, считая шаги, как будто разрабатывая стратегический план.

Как только она появилась на пороге оперативного штаба, Радебе начал докладывать. В голосе его слышались извиняющиеся нотки. Он объяснил причины передислокации всех групп – шестеро лучших в аэропорту, шестеро на кейптаунском вокзале. Трое следят за железнодорожным терминалом и трое – за автобусным. Трое его подчиненных обзванивали все агентства проката машин в городе, требуя немедленно сообщить, если к ним явится человек, чья внешность подходит под описание Мпайипели, и попытает нанять машину. Они также намерены связаться со всеми частными авиакомпаниями. Еще три команды по два человека в каждой сидели в машинах на Уэйл-стрит, ожидая приказа. Ни в доме Моники Клейнтъес, ни в доме Мириам Нзулулвази никаких действий не замечено.

Янина кивнула. Квинн подтвердил, что телефон Нзулулвази поставлен на прослушку. Пока никаких звонков не было.

Раджжумар, не в меру обидчивый, докладывал с чувством оскорбленной гордости:

– В базе «Копья нации» нет сведений о Тобеле Мпайипели. Что касается адреса, по которому он зарегистрирован, – дом принадлежит некоему Орландо Арендсе. Возможно, тому самому Арендсе, которому сегодня звонила Моника, когда разыскивала Мпайипели. Но сам Арендсе зарегистрирован в Милнертон-Ридж. – Тучное тело заколыхалось; к Раджжумару возвращалась уверенность в себе. – Интерес представляет криминальное прошлое Арендсе: дважды сидел за торговлю краденым, в 1975 году и с 1982 по 1984 год. В 1989 году его обвиняли в незаконном хранении оружия, но признали невиновным. Дважды его арестовывали за наркоторговлю, в 1992 и 1995 годах, но до суда дело в обоих случаях так и не дошло. Одно точно: Орландо Арендсе – мафиозо. Наркоделец, причем крупный. Занимается и проститутками, и азартными играми, и торговлей краденым. Обычное крышевание. И, насколько я понял, за его

деятельностью пристально следят «Скорпионы». Сдается мне, тот адресок в Митчеллз-Плейн может быть просто их явкой. – Раджив Раджкумар с довольным видом откинулся на спинку кресла.

– Молодец! – похвалила его Янина. Она начала шагать перед индусом от стены до стены, скрестив руки на груди.

Организованная преступность? Она обдумала все варианты, но едва ли они имели смысл.

– Мафиозо? – произнесла она вслух. – Не понимаю.

– За деньги можно купить странных компаньонов, – заметил Раджкумар. – А если он связан с наркотиками, речь идет о деньгах. Больших деньгах.

– Возможно, и сам Мпайипели – наркодилер, – предположил Квинн.

– Он механик по ремонту мотоциклов, – возразил Радебе. – Как-то не вяжется одно с другим.

Янина Менц перестала ходить, кивнула:

– Раджив, выясни, кто владелец мастерской.

– Данные компании устарели. Я, конечно, могу порыться, но...

Радебе заявил:

– Я вышлю туда машину. Иногда на двери есть телефоны, куда звонить в случае необходимости.

– Давай.

Она попыталась проанализировать то, что им уже было известно, рассмотреть факты под разными углами, но все время спотыкалась о криминальные кусочки головоломки.

– Мпайипели не замечен в связях с АНК, «Копьем нации», ПАК или АОА?

– Нет. Но конечно, списки членов АНК несколько раз перетряхивались. Сведения у них неполные. А у ПАК и АОА никогда и не было ничего подобного. Все сведения о ПАК косвенные и исходят от буров. Никакого Мпайипели там нет.

– Между Клейнтъесами и Мпайипели должна быть какая-то связь!

– Черт, – сказал Квинн. – Да он, может, работал у них садовником!

Радебе, который всегда взвешивал свои слова, нахмурился, как будто у него зародились серьезные сомнения:

– Пытаясь найти Мпайипели, Моника сначала позвонила Арэндсе. Может быть, они связаны через Арэндсе?

– Может быть. – Янина снова зашагала по комнате, переваривая полученные сведения, взвешивая все за и против. Как мало им известно! Им просто необходим прорыв, необходимо пролить свет над завесой невежества. Но как развязать язык наркобарону?

Она еще некоторое время походила туда-сюда.

– Ладно, – сказала она наконец. – Вот что мы сделаем.

В Бельвиле, в грязном общественном туалете, он зашел в кабинку, запер за собой дверь и вытащил пистолеты из скатанных в трубку журналов. Выйдя из кабинки, он по одному бросил их в разные корзины для мусора и зашагал по направлению к Дурбан-роуд. Он по-прежнему понятия не имел, куда направляется. Только понимал, что уходят минуты, а он всего на десять километров ближе к Лусаке, чем был в аэропорту. Им снова овладело искушение все бросить и вернуться домой. Но не давал покоя вопрос: так ли поступил Джонни Клейнтъес, когда он был нужен ему, Тобеле? И всегда ответ был одним и тем же: нет. Сколько бы он ни думал, как бы ему ни претило находиться здесь, как бы ни давили на него растущие тревога и тоска. Он многим обязан Джонни Клейнтъесу, значит, придется ради него пошевелиться. Тобела повернул за угол Форттреккер и Дурбан-роуд, увидел машины, стоящие на светофоре, и его осенило. Он ускорил шаг и направился к стоянке такси.

Надо вернуться в город. Быстро.

Во второй раз за день капитан Тигр Мазibuко выключил телефон после разговора с Яниной Менц и начал хрипло выкрикивать приказы команде «Альфа»:

– Открывайте ящики! Нам предстоит работа. Автоматы, пистолеты-пулеметы, гранаты со слезоточивым газом, бронежилеты и приборы ночного видения. И раскрасьте лица!

Бойцы охотно включились в работу, споро вскрывали ящики с боеприпасами, то и дело поглядывая на своего командира и недоумевая, почему им отдан такой приказ. Но Мазibuко сам ничего не понимал. Он вспоминал разговор с Менц. Почему он сегодня напал на офицера? Потому что поганец натравил на Малыша Джо Мороку свою немецкую овчарку. Что сделал Малыш Джо? Не отдал честь паршивому лейтенантику. Почему? Потому что Малыш Джо – это Малыш Джо. Он постоянно погружен в собственные мысли и не знает, что происходит вокруг него. Обыкновенная рассеянность, вот и все. А когда лейтенант обрушил на него целый поток непристойностей, исход был очевиден. Малыш Джо готов терпеть все, что угодно, только от одного человека, и этот человек – его капитан, Тигр Мазibuко. Вот почему Малыша Джо сразу вызволили с гауптвахты. Малыш Джо посоветовал лейтенанту совершить непристойные действия с самим собой или со своей собакой, и лейтенант натравил на него овчарку, чтобы собака его укусила. Что в любом случае, говоря военным языком, является нарушением закона в самом худшем смысле слова. Малыш Джо пострадал физически? Нет. Лейтенант и собака огорчили Малыша Джо. А это так же плохо, как и укус до крови. В его случае даже хуже. Была допущена несправедливость, как ни смотри. Тигр Мазibuко предпочел не действовать по официальным каналам, чтобы восстановить справедливость. Если он просто пожалуется по начальству, другие подразделения подумают, что об их ОБР можно вытирать ноги. Нет, ему надо было создать прецедент. А десантники пусть жалуются.

– Да, они в самом деле жалуются. Они требуют дисциплинарного взыскания.

– Тогда накажите меня. – Мазibuко говорил вызывающе, потому что понимал: до того, как он избил лейтенанта «Летучих мышей», бойцы ОБР были неприкасаемыми.

– Но только после того, как вы выполните задание. – И Янина Менц сообщила ему, что им предстоит сделать.

Ему передали бронежилет и оружие, прибор ночного видения и, в последнюю очередь, маскировочную краску. Он быстро и ловко нанес ее на лицо. Потом бойцы выстроились перед ним, и он проверил у каждого снаряжение.

– У меня для вас новая кличка, – заявил он. – С сегодняшнего дня вас будут знать как «Охотников за гангстерами».

7

Он попросил таксиста высадить его на Херенграхт, перед издательством «Медиа 24». Оттуда он двинулся на восток, миновал театрально-концертный центр «Нико Малан» и повернул налево, на Хертцог-стрит. Сейчас, вечером, машин на улицах было мало. Он нарочно шел не спеша, словно беззаботный гуляка. Еще раз повернул налево и оказался на Освальд-Пирот-стрит. Проходя мимо бензоколонки и поздоровавшись с заправщиками через стекло, он увидел, что перед его мотосалоном стоит машина со включенными фарами. Мотор работал на холостых оборотах. На переднем сиденье он увидел двух агентов, и сердце его упало.

Он открыл дверь комнаты отдыха персонала и вошел внутрь, понимая, что, если останется на улице, агенты в машине его скоро вычислят.

То, что двигатель работает на малых оборотах, – хороший знак. Если бы агенты спецслужб держали мотосалон под постоянным наблюдением, они бы оставили машину на перекрестке, а фары и мотор выключили. Заправщики обрадовались ему; в такое позднее время они бывали рады любому развлечению. Что он здесь делает и что у него в сумке? Тобела наскоро придумал: одному клиенту не вернули мотоцикл вовремя, и сейчас он, Мпайипели, должен решать проблемы белых. Говоря, он косился на машину за окном. Она еще немного постояла и тронулась с места. Тобела проводил ее взглядом.

Неужели ему надо доставить мотоцикл так поздно, ночью?

Да, клиент сердится, мотоцикл нужен ему завтра утром, а белый начальник такой лентяй, что не хочет вечером отрывать зад от кресла, вот и вызвал его. Знаете ведь, как бывает? Что вы там, ребята, смотрите по ящику? Конкурс? Да, каждому парню надо выбрать одну из трех девушек, но он их не видит, только может задавать вопросы...

Машина скрылась из вида. Из вежливости Тобела задержался еще на пару минут, потом извинился и вышел, оглядываясь. На улице никого не было. Он перешел на другую сторону, обошел главное здание мотосалона и подошел к служебному входу. Вынул из синей сумки бумажник, порылся в его отделениях. Серебряный ключик от деревянной двери тихо лежал там, куда он всегда его клал. Каждое утро он приезжал на работу самым первым и подметал пол до прибытия остальных механиков. Кроме того, он ставил чайник, включал электричество и протирал стекла. Тобела отпер дверь и набрал код на панели кодового замка. Предстояло решить, включать свет или нет. Если он не включит свет, парни из гаража удивятся, но все же лучше не зажигать – он не должен привлекать к себе внимание.

Следующий шаг: какой взять мотоцикл? Господи, ну и здоровые же они все! Сумеет ли он справиться с такими монстрами, ведь до сих пор он ездил только на маленькой «хонде»? Ему не разрешали кататься на мотоциклах. Он лишь выкатывал их на улицу, мыл, полировал, натирал до блеска сухой тряпкой и вкатывал назад, в салон. Сегодня он должен взять один из них и поехать на нем в Йоханнесбург. Но какой выбрать?

Он взвесил в руке спортивную сумку. Тяжелая!

Самый быстрый – RS 1200, но как насчет сумки? В LT есть багажный отсек, но он просто огромный. На рекламной модели GS, стоявшей в демонстрационном зале, имелись багажные отсеки по обе стороны заднего сиденья. Оранжево-желтый, коренастый, он словно бы припал к земле. Ключ, как знал Тобела, висел в зале запчастей.

Несмотря на бетонный забор, обтянутый поверху колючей проволокой, несмотря на высокие ворота, несмотря на то, что обитатели соседних домов уже проснулись и могли заранее оповестить о визите, и, наконец, несмотря на то, что за забором их ждали восемь вооруженных охранников, Тигру Мазибуко и его бойцам понадобилось всего семь минут на то, чтобы проникнуть в дом.

Они шли в темноте, разделившись на три группы. В двух было по четыре человека, в третьей – пять. Они прибыли на место в двух машинах без опознавательных знаков, высадились в квартале от дома и беспрепятственно добрались до места с тыла, передвигаясь по соседним участкам. Наконец они взобрались на забор с трех сторон, легко и бесшумно перерезав колючую проволоку. Три группы подавали друг другу знаки, хорошо заметные при свете уличных фонарей.

На окнах были решетки, но стекла оказались самыми обычными, пулепробиваемыми. Через окна они и проникли внутрь. Удар по стеклу – прыжок – пережат... Три группы оказались внутри через несколько секунд. Когда обитатели дома поняли, что происходит, началась паника, но было поздно. Бойцы в камуфляже, с боевой раскраской на лице, ловко уложили всех на пол, приставив каждому к виску ствол автоматического пистолета. Крики стихли, и наступила тишина, нарушаемая лишь четким и властным мужским голосом.

Мазибуко велел вывести пленников в прихожую и уложить всех на живот с руками за головой.

– Вейерс, Зонгу, следите за улицей. – Потом Мазибуко сосредоточился на гряде тел на полу. – Кто здесь главный? – спросил он.

Пленники лежали ничком. Некоторые задергались. Шли секунды, ответа Мазибуко не услышал.

– Да Коста, стрельни в кого-нибудь, – распорядился он.

– В кого, капитан?

– Начни отсюда. Стреляй в колено.

– Есть, капитан!

Да Коста громко отвел назад затвор и прижал дуло к ноге жертвы.

– Вы не имеете права! – произнес чей-то голос.

– Почему это?

– Полиция не имеет права стрелять!

Мазибуко расхохотался:

– Давай, Да Коста!

В помещении выстрел прогремел особенно громко; раненый утробно застонал. Запахло порохом.

– Слушайте, козлы, – сказал Мазибуко, – у меня для вас плохие новости. Мы не полицейские. Спрашиваю еще раз: кто здесь главный бандит?

– Я, – произнес человек, лежащий в середине. Лицо его тревожно сморщилось.

– Встать!

– Вы меня пристрелите?

– Это зависит от многих факторов, бандит. От многих!

Янина Менц уделяла особое внимание хранению ценной информации.

Самым главным было не допустить утечек, которые происходили постоянно. Можно сказать, ценные сведения утекали, как вода из земляной дамбы, через трещины прежних связей и новых желаний, просачивались сквозь песок коррупции и мелочной жадности. Почуввав запах денег, на добычу слетались стервятники, причем иногда из самых неожиданных мест.

С самого начала она взяла за правило никому особенно не доверять, не вводить никого в искушение, приглушать запах денег.

Раджив Раджумар указал ей на недостатки информации в электронном формате. Такую информацию легко скопировать, легко размножить: ведь существуют дискеты, zip-диски, диски CD-ROM, протокол передачи файлов, накопители на жестком диске размером с полпачки сигарет. А еще есть электронная почта, да и хакеры не дремлют. Словом, все, что с чем-то связано, можно взломать. Если они могут входить в чужие базы данных, рано или поздно

появятся новые программы, с помощью которых можно будет взломать их собственные базы данных.

Надежно сохранить информацию можно только одним способом. Делать одну бумажную копию. Легко хранить, легко контролировать, доступ к хранилищу строго ограничен.

Вот почему Раджжумару, помимо основной работы, поручили это важное дело. Он заведовал машбюро. Под его началом были четыре женщины, которые виртуозно печатали на старомодных электрических машинках IBM. Их пальцы порхали по клавишам со скоростью света. Они сидели в отдельной комнате на седьмом этаже, за которой можно было следить по видеомонитору. Машинистки расписывались за все полученные ими исходники, расшифровывали записи и снова расписывались – уже на бумажной копии. Им выдавали специальную белую бумагу, которая не желтеет и не портится. После того как бумажные документы просматривали Радебе и его группа, их убирали в хранилище, войти в которое можно было только по особому пропуску. В хранилище поддерживалась специальная температура. Там же держали и накопители на магнитной ленте. Информация в цифровой форме уничтожалась.

К тому времени как принесли распечатку допроса Орландо Арендсе, через сорок семь минут после того, как с ним побеседовали в его доме в Милнертон-Ридж, Янина уже была знакома с наиболее важными частями документа.

Расшифровка допроса Орландо Арендсе, проведенного А.Дж. М. Уильямсом 23 октября в 21:25 в доме номер 55 по Милнертон-авеню (Милнертон-Ридж).

У. Мистер Арендсе, я представляю интересы государства. У меня к вам несколько вопросов, которые касаются Тобелы Мпайипели и Моники Клейнтъес...

А. Дома я не работаю. Приходите завтра утром ко мне на службу.

У. Боюсь, мистер Арендсе, дело не может так долго ждать.

А. Где ваше удостоверение?

У. Вот, пожалуйста, мистер Арендсе.

А. Да бросьте вы ваше «мистер», я ведь вижу, что вы это несерьезно. Ваша карточка ничего мне не говорит. Приходите утром, до свидания.

У. Может быть, вы все же...

А. Ничего не может быть. Мой рабочий день закончен, а ордера у вас нет.

У. Есть.

А. Тогда где он?

У. Здесь.

А. Это не ордер, а мобильный телефон.

У. Вот, послушайте.

А. Прощай, братец.

У. Вам звонят из дома на Митчеллз-Плейн, который принадлежит вам.

А. Что?

У. Возьмите трубку.

А. Алло. Да... Да... Вот сволочи... Да... Уильямс, да кто вы такой, черт вас дерит?

У. Мистер Арендсе, мы с вами можем где-нибудь побеседовать с глазу на глаз?

А. Чего вы хотите?

У. Мне нужны кое-какие сведения.

А. Сказал паук мухе. Пошли посидим на заднем дворе.

У. Спасибо.

А. Уильямс, вы ранили моего человека.

У. Мы хотели привлечь ваше внимание.

А. Нельзя так просто калечить людей! Есть же какие-то правила игры...

У. Уверен, вас поддержат многие сотрудники правительственных учреждений.

А. Так кто же вы?

У. Нам нужны сведения о некоем Тобеле Мпайипели и некоей мисс Монике Клейнтъес.

А. Дамочку я не знаю.

У. А Мпайипели?

А. Он уже давно на меня не работает. Два года как уволился...

У. Какого рода работу он выполнял?

А. Теперь я должен попросить вас подождать, пока я позвоню своему адвокату.

У. Боюсь, вы не сможете этого сделать.

А. Мой темнокожий брат, неужели ты воображаешь, что я начну сливать тебе разоблачительные сведения, потому что ты приставил ствол к голове моего начальника охраны? Мои люди знают, на что идут; они понимают, что при их работе можно и пулю схлопотать.

У. Мистер Арендсе, нам известно, что вы являетесь главарем организованной преступной группировки, но позвольте заметить: нас ваша деятельность не волнует. Пусть ею занимается ЮАПС. Неужели вы и правда считаете, будто наши действия в Митчеллз-Плейн, которые едва ли согласуются с Уголовным кодексом, направлены на то, чтобы предать вас в руки правосудия?

А. Почему ты говоришь как белый? Где твои корни, брат?

У. Меня интересует Мпайипели. Что он для вас делал?

А. Да пошел ты!

У. Мистер Арендсе, мои люди в доме на Митчеллз-Плейн говорят, что нашли там в общей сложности два килограмма кокаина в различных стадиях производства. Уверен, это что-то да значит для вас – даже если вам наплевать на ваших подчиненных.

(Неразборчиво.)

У. Мистер Арендсе!

А. Чем вам насолил Крошка?

У. Кто?

А. Мпайипели.

У. Нам просто нужны кое-какие сведения о нем.

А. Зачем?

У. Обычная проверка, мистер Арендсе.

А. В десять-то вечера? Пудри мозги кому-нибудь другому.

У. Я не уполномочен обсуждать с кем бы то ни было наш интерес к мистеру Мпайипели.

А. Он что, сам решил заняться бизнесом?

У. Что вы имеете в виду?

А. Наверное, он что-то натворил, раз привлек ваше внимание.

У. Что он делал для вас?

А. Он был моим силовиком.

У. Силовиком?

А. Да.

У. Не могли бы вы более конкретно описать характер его деятельности?

А. Ну и ловко же подвешен у тебя язык! Здорово ты натаскался болтать на госслужбе.

У. Мистер Арендсе...

А. Ладно, ладно, но толстого романа не жди, у меня скорее рассказ. Крошка стрелял, когда надо, но чаще я брал его с собой как средство физического устрашения, вот и все. Ездил в машине на первом сиденье, слева от водителя. Стреляет он так, что ты и представить себе не можешь. Здоровый, сильный и умный малый. Это видно по его глазам – как у ястреба. Он следит за тобой и ждет, когда ты дашь слабинку.

У. Сколько времени он на вас работал?

А. Лет шесть, кажется... Да, по-моему, шесть лет.

У. А до того чем он занимался?

А. Уж кому и знать, как не вам. Он был солдатом и участвовал в Борьбе.

У. Состоял в «Умконтто ве сизве»? В «Копье нации»?

А. Вот именно.

У. При всем к вам уважении, мистер Арендсе, немногие бойцы «Умконтто ве сизве» стали бы заниматься наркоторговлей.

А. Твоя правда, братец, у них другие интересы и цели в жизни. Но мне повезло. У меня освободилась вакансия, и знаешь, как бывает – не успел обронить словечко, как в дверь ко мне уже звонит здоровяк коса. Я как его увидел, так сразу и понял: то, что нужно. С ним мне, надо сказать, крупно повезло.

У. Он сам сказал вам, что состоял в «Копье нации»?

А. Вот именно. Сначала я ему не поверил, и мы поехали в Страндфонтейн для подробного собеседования. Дали ему старый АК-47 и расставили кучу пивных бутылок на расстоянии метров двести. Возможно, братец, для тебя такое расстояние ничего не значит, но бутылочки были маленькие, а он разносил их вдребезги методично и аккуратно. Наконец ребята устроили ему настоящую оваацию, представляешь?

У. Ему приходилось применять свои таланты у вас на службе?

А. Говори проще, братец. Тебя интересует, замочил ли он кого-нибудь?

У. Да.

А. В этом ни разу не было необходимости. Достаточно было его ястребиного взгляда. Мать его, наверное, любила, но все остальные при виде его делали в штаны.

У. Где он служил, когда был в «Копье нации»?

А. Откуда мне знать? Он об этом не рассказывал.

У. Никогда?

А. Из него слова не вытянешь. Прослужил у меня шесть лет, а я почти ничего о нем не знаю. Держался наособицу, всегда был чуть в стороне, как «Чужой» Колина Уилсона. Да мне было плевать, он был бриллиантом в моей короне.

У. Какой Колин?

А. Литературная реминисценция, браток. Тебе не понять.

У. А потом он ушел со службы?

А. Два года назад явился ко мне и сказал, что уходит. Я думал, он хочет получить прибавку, но деньги его не интересовали. Потом мы узнали, что он устроился обычным уборщиком в сервисный центр по обслуживанию мотоциклов – разнорабочим и уборщиком, представляешь? Там ему платят гроши, а у меня он заработал целое состояние. Но сейчас создается такое впечатление, что у него появились кое-какие делишки на стороне.

У. Значит, последние два года вы с ним не общались?

А. Ни хрена.

У. Мистер Арендсе, не буду больше тратить ваше драгоценное время.

А. Уф, полегчало.

У. Можете послать медицинскую помощь в Митчеллз-Плейн. Мы уходим оттуда.

А. Мистер Уильямс, я правильно понял – вам на самом деле ничего не известно о Крошке Мпайипели?

У. Почему вы спрашиваете, мистер Арендсе?

А. Да так, мелькнуло подозрение. Позвольте дать вам один совет: начинайте заказывать мешки для трупов.

8

Янина сбегала к себе в кабинет и позвонила домой. Няня сказала, что Лизетта уже спит. Она поблагодарила Суту за то, что та согласилась остаться на ночь, и попросила к телефону Лин.

– Мам, я уже сама разобралась в биологии.

– Так и знала, что ты справишься.

– Мам, а можно посмотреть шоу «Большой брат» до десяти?

Ох уж эти дети. Пытаются использовать все ситуации к своей максимальной выгоде. Смешно и тошно одновременно.

– Лин, ты сама все прекрасно понимаешь. Эту передачу нельзя смотреть детям до шестнадцати... – Говоря это, она знала заранее, каков будет ответ.

– Мам, эту передачу смотрят все мои друзья. Мне почти шестнадцать. Я уже не ребенок! – Все три довода в один присест.

– Я знаю, что ты уже не ребенок. Ты чудесная, любимая пятнадцатилетняя девочка, которой нужно подождать всего пару месяцев. А потом можешь смотреть все, что угодно, вместе с твоими недисциплинированными друзьями. Выспись как следует, завтра у тебя экзамен.

– Ма-ам...

– И передай Лизетте: мне жаль, что я не успела пожелать ей спокойной ночи. Передай, что я вас обеих очень люблю и очень горжусь вами.

– Мам, ты там не перерабатывай.

– Не буду.

– Мы тоже тебя любим.

– Знаю, доченька. Спокойной ночи!

– Спокойной ночи, мам.

Она поспешила назад, в оперативный штаб. Ее грызло нетерпение.

– Раджив, поищи еще. Если он состоял в «Копье нации», о нем должны быть там хоть какие-то сведения.

– Да, мэ. – Судя по жестам индуса, он знал заранее, что результат будет отрицательным. – Мы пользуемся самыми усовершенствованными методами поиска данных, но до сих пор ничего не нашли. Я могу повторить все сначала, но уверяю, результат будет таким же.

– Он мог солгать Арендсе насчет своего прошлого, – сказал Квинн. – В начале девяностых работы было мало; каждый мог наврать что угодно.

– С тех пор ситуация не слишком изменилась, – сухо парировал Радебе.

– И в результате у нас беглец с двумя пистолетами, – подытожила Янина.

Мозги Раджкумара работали превосходно:

– У АНК есть и бумажный архив. Кажется, он находится на острове Роббен.

– В Претории, – поправил его Радебе. – Архивы «Копья нации» хранятся на Фортреккерхофте.

– И что вам о них известно?

– Данные не были систематизированы. Поскольку после семьдесят шестого года к ним хлынул целый поток новичков, было слишком много бумаг и слишком мало администраторов. Но посмотреть все равно стоит.

– А как насчет старой библиотеки Национальной разведслужбы на микрофишах? Буры завели весь каталог в компьютер, но это локальная система, не подключенная к Интернету. В Претории она до сих пор действует. Можем послать запрос, – сказал Раджкумар.

Радебе пренебрежительно фыркнул, и Янина прекрасно знала почему. Новая Национальная разведывательная служба не пользовалась большим уважением среди ее подчиненных.

– Если запрос придет сверху, им придется ответить, – сказала она. – Я поговорю с директором.

– Мэм. – Квинн поднял руку, привлекая ее внимание.

– В чем дело?

– Послушайте. – Он нажал кнопку, и зал наполнило шипение. – Повторите, Натан.

– Нам удалось найти владельца местного филиала фирмы «БМВ-Моторрад». Его фамилия Боденстейн; он живет в Велгелегене. Он говорит, что Мпайипели не механик, а разнорабочий. Тихий, молчаливый, трудяга, пунктуальный, надежный. О его военном прошлом он понятия не имел.

– Натан, расскажите еще раз о сигнализации.

– Пока мы беседовали с Боденстейном, ему позвонили из охранной фирмы. Они сказали, что больше часа назад кто-то выключил в салоне сигнализацию. Потом ее так и не включили. Он немедленно выехал на место, а мы отправились за ним.

– Натан, а что он сказал о ключе?

– Ах да. Он говорит, что у Мпайипели есть ключ от служебного входа и он знает код, потому что именно он отпирает салон по утрам.

Сначала Мпайипели чуть не упал. Мощь огромного мотоцикла застигла его врасплох, когда он газанул, сворачивая на Освальд-Пиро-стрит. Реакция этого зверя настолько отличалась от реакции его малышки, что он едва не вылетел из седла. На GS все было массивным, тяжелым, высоким и неуправляемым. Он был потрясен; от избытка адреналина руки дрожали, щиток шлема запотел. Ему с трудом удалось выровнять мотоцикл; он снова прибавил газу, на сей раз осторожнее, и миновал перекресток с федеральной трассой № 1. Когда он нажал на передний тормоз, то снова чуть не упал. Он остановился, еле переводя дух. Колени дрожали. Не хватало еще умереть от разрыва сердца! Загорелся зеленый свет. Он медленно тронулся с места, осторожно повернул направо. Да уж, нечего сказать – мощная игрушка. Он еще не переключился на третью передачу, а мотоцикл уже делал сто километров в час – самая большая скорость, какую можно выжать из «бенли».

На шоссе было почти пусто, но он кожей чувствовал все машины вокруг. Он ехал медленнее остальных, держась в крайнем левом ряду, пытаясь почувствовать мотоцикл; на ходу равновесие держать легче, но ему все равно казалось, что руль слишком широкий.

Он снова включил поворотник, проверил, как работает переключатель ближнего и дальнего света. Впереди у него долгий путь. Сейчас скорость – почти сто километров в час. Он совершил ошибку, думая, что так можно быстро доехать из Кейптауна; если ему удастся до ночи попасть в Блумфонтейн, все в порядке: там без помех можно сесть на самолет. За блумфонтейнским аэропортом следить не будут. Но громадный мотоцикл не слушается его. Он совершил ошибку, надо было ехать на маршрутке. К тому же уже темно, и огни Сенчури-Сити слепят. Наверное, надо было поехать в Вустер или в Парл и там бросить проклятый мотоцикл. Что он себе вообразил?

Когда он съехал с эстакады на шоссе № 7, ему пришлось сменить ряд, чтобы пропустить грузовик. Лишь вернувшись в крайний левый ряд, он немного расслабился. В районе Пэроу дорога пошла в гору. Если бы еще машин было меньше! Интересно, куда спешат все эти люди так поздно ночью? Когда он спустился и съехал с эстакады в Бельвиле, машин стало меньше. Он увидел впереди автозаправочную станцию. Сколько у него осталось бензина? Слава богу, бак полный. Интересно, на сколько его хватит?

Он глянул на спидометр: сто десять километров в час. Немного сбавил скорость. Мотоцикл все-таки плохо его слушался, как будто жил своей жизнью. Как необъезженный мустанг. Тобела заставил себя сосредоточиться. Нужно все продумать заранее. Впереди – платная маги-

страль. До нее тридцать километров. Что делать? Объехать платную дорогу, добраться до Парла, бросить мотоцикл, поймать такси?

Наверное, есть маршрутки, которые ездят в Вустер, но сейчас уже очень поздно. А если ему не удастся избавиться от GS? Ехать на этом монстре до самого перевала Дю-Тойтс-Клоф?

Если он поедет по платной дороге, его легко можно будет выследить; высокий чернокожий мужчина на дорогом мотоцикле – фигура приметная.

Что же все-таки делать?

Скорее всего, так поздно такси уже не ходят.

Надо взглянуть на происходящее с положительной точки зрения. Он едет, он в пути. Самое главное – подавить в себе желание избавиться от мотоцикла. Темнота – даже к лучшему. Во всем можно найти что-то хорошее. Сейчас у него преимущество. Они понятия не имеют, где он находится, несмотря на двух шпионов в машине у мотосалона. Только завтра утром увидят, что пропал мотоцикл...

Вдруг сжалось сердце. Он не включил сигнализацию после того, как отпер дверь! Он так спешил и так долго выбирал мотоцикл, что забыл заново включить сигнализацию!

Господи, как он поглупел!

К тому времени как он доехал до Стелленбоша, его гнев на Джонни Клейнтесса, на шпионов и на собственную глупость преодолел страх перед мотоциклом, и он ругался под шлемом на всех известных ему языках.

– Просто невероятно, – сказал Боденстейн. – Черт возьми, просто невероятно!

Два агента и владелец стояли в демонстрационном зале мотосалона «Моторрад». Боденстейн протянул агентам клочок бумаги:

– Посмотрите, что он написал. Представляете?

Натан взял записку.

«Мистер Боденстейн!

Я беру займы на два-три дня демонстрационную модель GS. Кроме того, я взял мотокостюм, шлем и перчатки; деньги за аренду я оставил у вас на столе. К сожалению, мне придется срочно помочь одному другу, и у меня не остается иного выхода. Я полностью оплачу амортизацию, бензин и любые повреждения.

Тобела Мпайшпели».

– А еще думаешь, что знаешь человека. Знаешь, кому можно доверять, – произнес Боденстейн.

– Который из них называется GS? – спросил Джонни, второй агент.

– Вот такая же громадина, только желтая. – Боденстейн показал на серебристый мотоцикл. – Он обязательно свалится. И разобьется. Это ведь не игрушка! Ну просто уму непостижимо!

* * *

Янина Менц давно взяла за правило видеть жизнь такой, какая она есть, а не такой, как хочется.

Вот почему она довольно спокойно восприняла происходящее.

Хотя в оперативном штабе все вокруг гудело, голова у нее не переставала работать. Она оставалась на своем месте, во главе овального стола, подперев голову рукой, и спокойно размышляла. Она ни на миг не забывала о том, что директор слышит каждое произнесенное здесь

слово, и ее слова, решения, интонации и жесты должны произвести необходимое впечатление на подчиненных.

Видение: перед ее мысленным взором всплыла дорога, по которой мчится неуловимый и загадочный Тобела Мпайипели. Он направляется на север. Магистраль № 1 напоминает толстую извилистую артерию, протянувшуюся в сердце Африки. Почему он без промедления согласился помочь Джонни Клейнтъесу? Впрочем, его мотивы теперь несущественны. Янина Менц сосредоточилась на маршруте: ее интересовали варианты пути, способы перехвата, превентивные и ограничительные меры.

Она попросила прикрепить к стене большую карту страны, красными чернилами отметила на ней вероятный маршрут. Затем назначила задание отряду быстрого реагирования: они должны ждать Мпайипели в семидесяти семи километрах к северу от Бофорт-Уэста, на развилке. Оттуда в Йоханнесбург можно добраться либо через Кимберли, либо через Блумфонтейн.

Затем она попросила Квинна и Радебе оповестить полицию и отделы автоинспекции: пусть собирают сведения и ничего не предпринимают, потому что беглец вооружен и по-прежнему остается более или менее неизвестной величиной. Но пусть знают, что стрелять он умеет.

Ее тяготило то, что они так мало знают о Тобеле Мпайипели, поэтому она решила отправить агентов и к Мириам Нзулулвази и к Монике Клейнтъес. Пора снимать перчатки. Разыскать родственников беглеца. Родителей.

Друзей. Добыть сведения о нем. Кто он? Что? Когда? Почему? Как? Ей нужно узнать его, этого призрака с изменчивым лицом.

У нее есть власть. Она ею воспользуется.

Фрагмент расшифровки беседы Дж. Уилкинсона с Андре Боденстейном, владельцем мотосалона «Моторрад». 23 октября, 21:55, бульвар Освальда Пиро, Кейптаун:

У. Что вам известно о предыдущих местах работы мистера Мпайипели?

Б. Он был разнорабочим.

У. Разнорабочим?

Б. Да. Работал в автосервисе в Сомерсет-Уэсте.

У. Откуда вы знаете?

Б. Он сам мне говорил.

У. Какого рода работу он выполнял?

Б. Разнорабочий есть разнорабочий. Это значит, что он выполняет самую черную работу, за которую никто другой не возьмется.

У. Больше вам ничего не известно?

Б. Слушайте, для того, чтобы мыть у меня мотоциклы, человеку не требуется высшее образование!

У. И вы доверили ему ключ от служебного входа?

Б. Не с самого первого дня, я же не идиот.

У. А потом?

Б. Послушайте, каждое утро, когда я приезжал на работу, он уже ждал меня на крыльце. Каждый божий день. Ни разу не заболел, не опоздал, не запил. Он работал – а работать, я вам скажу, он умеет. Прошлой зимой я разрешил ему открывать салон. Чего ему мокнуть под дождем, пока он ждет меня? Заодно поручил ему подметать полы и ставить чайник. К тому времени как мы приходим на работу, кофе уже готов – каждое утро, заметьте! А салон сверкает, как новенькая монета. Мне казалось, что я могу ему доверять. Мне казалось, я знаю людей...

* * *

Когда он работал в Килларни, то два раза наблюдал, как инструкторы мотокурсов БМВ обучали езде на мотоцикле преуспевающих белых среднего возраста; жаль, что он тогда не слушал как следует, глядишь, и запомнил бы что-нибудь полезное.

Он начал подъем на перевал, понимая, что являет собой пародию на мотоциклиста. Он постоянно дергался, то газовал, то тормозил, снова газовал, снова притормаживал, переключался с ближнего света на дальний и наоборот, пытаясь не врезаться в очередной грузовик, который срезал поворот или тащился перед ним с черепашьей скоростью. В дороге супер-навороченном мотокостюме было жарко; от дыхания щиток шлема так запотевал, что то и дело приходилось поднимать его. Слева была пропасть, где-то далеко внизу светили огоньки.

Тормоз, поворот, тормоз, поворот, вперед и выше, к пику перевала. Наверху дорога резко свернула на восток, и огни исчезли из вида. Впервые его окружала полная темнота. Внезапно стало тихо. Он был как натянутая струна. Затормозив у обочины, сбросил с головы шлем, перевел рычаг в нейтральное положение, снял руки с руля, глубоко вздохнул, потянулся.

Он обязан, должен расслабиться. Он уже устал, а предстоит проехать еще несколько сот километров. Но успехи очевидны. Преодолев такой путь, взобрался на перевал в темноте! Да и монстр-мотоцикл начинает его слушаться. Стал относиться к своему седоку терпеливо, как будто ждал, когда тот почувствует его.

Вдох, выдох. В глубине души зарождалась радость. Он взобрался на перевал – добрался до наивысшей точки. Будет о чем рассказать Пакамиле и Мириам. Интересно, спит ли она. Судя по цифровому циферблату часов на приборной панели, Мириам уже уложила сыну в рюкзак учебники на завтра, повесила на стул одежду, приготовила коробку с завтраком. Если бы он сейчас был дома, она бы вымыла его жестянку из-под обеда. В доме чисто, уютно, постель застелена чистым бельем. Она бы пришла и легла рядом, и от нее бы восхитительно пахло мылом и маслами. Будильник она завела на пять утра, выключила свет – и ее дыхание сразу же стало глубоким и мирным. Она уже спит сном праведника, сном рабочего человека.

Сзади послышалось пыхтение мотора: на перевал взбирался грузовик. Тобела в последний раз потянулся, наслаждаясь ночной прохладой, опустил щиток мотошлема и поехал дальше. Хорошо, что он хотя бы научился газовать. Стало удобнее, естественнее. На выходе из поворота он постепенно прибавил скорость. Впереди маячил старый туннель, за ним еще один поворот и еще; вниз, вниз, в долину реки Мёленарс, вниз! Он выпрямился, наклонился, вписался в поворот, выровнялся. Впереди показалась платная дорога, невозможно роскошная и широкая – в три полосы. Въехав на нее, Тобела испытал огромное облегчение.

Он глянул на спидометр: сто тридцать километров в час. Улыбнулся под шлемом. Все получилось! Важный участок пути пройден.

9

– Нас не к этому готовили, – сказал Тигр Мазибуко.

Он стоял рядом со взлетно-посадочной полосой и разговаривал по сотовому телефону. В окно он видел своих ребят. Они все никак не могли забыть удачную вылазку, ни о чем другом не могли говорить. По пути на аэродром они вспоминали мельчайшие подробности происшествия, поддразнивали друг друга и даже его. Все просили командира дать и им возможность пострелять – почему только Да Коста удостоился такой чести? Звелитини заявил, что пожалуется зулусскому королю: мол, даже в самом элитном подразделении царит расовая дискриминация – стрелять разрешается только потомкам белых колонизаторов, а бедным чернокожим аборигенам позволено только смотреть. Бойцы весело расхохотались. Все, кроме Тигра Мазибуко.

– Я знаю, Тигр, но то, что вы сделали, было очень ценно.

– Мы не ЮАПС. Поручите нам какое-нибудь нормальное дело. Серьезное дело!

– Как по-вашему, достаточно ли серьезное дело – человек, который с двухсот метров расстреливает пивные бутылки из калашникова?

– Всего один человек?

– К сожалению, всего один, Тигр.

– Нет, по-моему, для нас это несерьезно.

– Что ж, ничего лучше для вас у меня пока нет. Оставайтесь в расположении двадцать третьей эскадрильи. Беглеца необходимо перехватить; вы вылетите вперед и будете ждать его.

Он с трудом скрывал досаду.

Когда Янина Менц поняла, что он замышляет, то рассердилась:

– Если для вас это недостаточно серьезное дело, возвращайтесь на базу! Уверена, что сумею найти вам замену.

– Ну и что нам известно об этом стрелке по бутылкам?

– Известно мало. Возможно, он состоял в «Копье нации», но, возможно, и нет. Некоторое время служил кем-то вроде телохранителя у одного крупного наркоторговца, а сейчас трудится разнорабочим в мотосалоне.

– Так был он в «Копье нации» или не был?

– Тигр, сейчас мы как раз пытаемся это выяснить.

Расшифровка беседы А.Дж. М. Уильямса с Мириам Нзуллувази 23 октября, 22:51, по адресу: Гугулету, авеню Мбеки, 21.

У. Миссис Нзуллувази, я представляю интересы государства. У меня к вам несколько вопросов о Тобеле Мпайипели и Монике Клейнтъес.

Н. Ее я не знаю.

У. Но мистера Мпайипели вы знаете.

Н. Да. Он хороший человек.

У. Давно ли вы с ним знакомы?

Н. Два года.

У. Где вы познакомились?

Н. У меня на работе.

У. Чем вы занимаетесь, миссис Нзуллувази?

Н. Служу буфетчицей в филиале банка «Абса».

У. В каком филиале?

Н. На Херенграхт.

У. И как же вы с ним познакомились?

Н. Он был нашим клиентом.

У. Да?

Н. С ним занимался один из наших консультантов, а я принесла им чаю. Когда он покончил с делами, то нашел меня.

У. И назначил вам свидание?

Н. Да.

У. И вы согласились.

Н. Нет. То есть не сразу.

У. Значит, после того, первого раза он приходил еще?

Н. Да.

У. Почему вы сначала отказали ему?

Н. Не понимаю, зачем вы разбудили меня среди ночи и задаете такие странные вопросы?

У. Миссис Нзуллувази, сейчас у мистера Мпайипели крупные неприятности, а вы можете помочь ему, если ответите на мои вопросы.

Н. Что у него за неприятности?

У. Он незаконно взял некий предмет, который является государственной собственностью, и...

Н. Он ничего не брал. Та женщина сама дала его ему.

У. Мисс Клейнтгес?

Н. Да.

У. Почему она дала ему этот предмет?

Н. Чтобы он отвез его ее отцу.

У. Но почему она выбрала для передачи предмета именно его?

Н. Он чем-то обязан ее отцу.

У. Чем?

Н. Не знаю.

У. Он вам не говорил?

Н. Я не спрашивала.

У. Вы с мистером Мпайипели живете вместе?

Н. Да.

У. Как муж и жена?

Н. Да.

У. И вы не спросили, почему он взял краденое имущество и согласился переправить его в Лусаку?

Н. Откуда вам известно, что он едет в Лусаку?

У. Мы знаем все.

Н. Если вы знаете все, почему вы сидите здесь среди ночи и задаете мне странные вопросы?

У. Вам известно, чем занимался мистер Мпайипели на прежней работе?

Н. Я думала, вы все знаете.

У. Миссис Нзуллувази, даже в наших сведениях имеются пробелы. Я ведь извинился за то, что побеспокоил вас в такой поздний час. Как я уже объяснил, дело срочное, а у мистера Мпайипели крупные неприятности. Вы можете помочь нам, восполнив пробелы в наших познаниях.

Н. Я не знаю, чем он занимался.

У. Вы знали, что он был связан с организованной преступностью?

Н. Не хочу ничего знать. Он сказал, что у него была другая жизнь, сказал, что ему пришлось совершать поступки, о которых он хочет забыть. В нашей стране такое было нетрудно. Если бы я его спросила, он бы, конечно, мне все рассказал. Но я ни о чем его не спрашивала.

Он хороший человек. В нашем доме царит любовь. Он хорошо относится и ко мне, и к моему сыну. Вот и все, что мне нужно знать.

У. Вам известно, что он состоял в «Копье нации»?

Н. Да.

У. Он там состоял?

Н. Да.

У. Он сам вам сказал?

Н. Что-то в этом роде.

У. Вам известно, где он служил?

Н. Он был в Танзании, Анголе, Европе и России.

У. Знаете когда?

Н. Это все, что мне известно.

У. Но он сказал вам, что, будучи членом «Копья нации», он...

Н. Нет. Он никогда ничего не рассказывал. Я сама догадалась.

У. Что вы имеете в виду?

Н. Он часто рассказывает Пакамиле про другие страны.

У. Пакамиле – ваш сын?

Н. Да.

У. И это все, что вам известно?

Н. Да.

У. На самом деле он никогда не говорил вам прямо, что состоял в «Копье нации»?

Н. Нет.

(Молчание – восемь секунд.)

У. Миссис Нзуллувази, и все-таки, чем он обязан Джонни Клейнтесу?

Н. Я ведь уже говорила: не знаю.

У. Вам не показалось странным, что мисс Клейнтес приехала сюда и мистер Мпайипели тут же согласился ради нее предпринять долгое и опасное путешествие?

Н. Почему путешествие в Лусаку может быть опасным?

У. Вам неизвестно о том, какого рода сведения записаны на диске?

Н. Что еще за сведения?

У. Краденые сведения, которые находятся у него.

Н. И что, они опасные?

У. Есть люди, которые хотят ему помешать. И есть...

Н. Люди вроде вас?

У. Нет, миссис Нзуллувази.

Н. Вы хотите ему помешать.

У. Мы хотим помочь. Мы пытались все ему объяснить еще в аэропорту, но он убежал.

Н. Вы хотели помочь.

У. Да.

Н. Вы должны уйти. Немедленно!

У. Мэм...

Н. Убирайтесь из моего дома!

При въезде на базу ВВС в Блумспрэйте, недалеко от Блумфонтейна, имеется указатель. По армейским меркам, сравнительно новый, ему нет еще и трех лет. На указателе написано: «Шестнадцатая эскадрилья», а ниже: «Хлазелани». Чернокожие жители Блумфонтейна знают, что такое «хлазелани», но, дабы убедиться в том, что все всё понимают, в самом низу таблички в скобках приведено разъяснение: «Ударный вертолетный батальон».

С особенной радостью смотрят на указатель вертолетчики шестнадцатой эскадрильи. Три слова переводят их в другой ранг, отделяют от пилотов воздушных автобусов и грузоперевозчиков из других эскадрилий, особенно от прочих вертолетчиков. Они – элита. Впервые за почти шестьдесят пять лет существования им прислали суперсовременную технику. Можно забыть о бомбардировщиках времен Второй мировой войны и о вертолетах «алуэтт» недоброй памяти восьмидесятых годов.

В огромной степени радость летчиков была вызвана содержимым гигантских ангаров: двенадцать почти новеньких АН-2А «ройвалк» («пустельга»), внушительных ударных вертолетов с двадцатимиллиметровой пушкой, скорострельностью 740 выстрелов в минуту и способностью переносить до шестнадцати ракет класса «воздух– земля», например таких, как ПТУРЫ ЗТ-35 с лазерной системой наведения. На концах крыльев – рельсовые направляющие для ракет класса «воздух – воздух». Плюс к тому – современное электронное оборудование, обзорно-прицельная система с лазерным дальномером-целеуказателем и система радиоэлектронного подавления. . . Пилотам шестнадцатой казалось, что они – единственные в ВВС Южной Африки, кто летает на вертолетах XXI века, или, как они шутили в офицерской столовой, выпив рому с колой, только у них между ног оборудование XXI века.

В 21:59 на базу позвонил генерал Ван Роин из штаба ВВС и отдал приказ двум «ройвалкам» с двумя дополнительными топливными баками вылететь в направлении Бофорт-Уэста. Он предупредил, что предстоит боевой вылет, а не учебный, как в последние три года. Труднее всего командиру шестнадцатой было объяснить недовольным пилотам и штурманам, почему выбрали не их, а других.

– Раджив, возможно ли, чтобы в архивах «Копья нации» не было сведений о нем? Если его гражданская жена права и он действительно был в России и Анголе, как такое возможно?

– Мы не знаем. Мы можем только влезть в их базу данных и проанализировать то, что там есть, вот и все.

– Какова вероятность того, что данных о каком-то члене «Копья нации» нет в базе?

Раджкумар дернул себя пухлой рукой за волосы, стянутые в конский хвост.

– Скажем. . . пятнадцать процентов.

– Пятнадцать процентов?

– Где-то около того.

– Если в «Копье нации» состояло около десяти тысяч солдат, значит, нет сведений о целых полутора тысячах?

– О них нет сведений на электронных носителях.

– Допустим, если в «Умконто ве сизве» насчитывалось пятьдесят тысяч боевиков, значит, нет сведений о семи с половиной тысячах человек?

– Да, мэ.м.

– Но они наверняка есть в хранилище на Фортреккерхохте?

Ей ответил Радебе:

– По-моему, его скорее можно обнаружить в хранилище на Фортреккерхохте.

– Сколько на это нужно времени?

– Час или два. В архивах уже работают три человека.

– А в библиотеке на микрофишах?

Радебе пожал плечами:

– Зависит от того, какие приказы получены сверху.

Янина покрутила по комнате. Ее всегда огорчала необходимость зависеть от других. Она покачала головой.

– Интересно, зачем разнорабочий мотоциклетной мастерской явился в банк «Абса» и беседовал с консультантом? – спросила она, ни к кому конкретно не обращаясь.

– Если хотите, я могу влезть в систему «Абса», – предложил Раджжумар. Он вытянул пухлые пальцы, потом сжал их в кулаки.

– Сколько времени тебе нужно?

– Дайте мне час.

– Вперед!

– Да, да, да!

– Какова ситуация на дороге? – спросила Янина у Радебе.

– Сторож платной дороги говорит, что сегодня большие мотоциклы на север не проезжали. Несколько проехали в южном направлении, но ни одного чернокожего он не видел. Мы связались с управлением автоинспекции. Они оповестили все участки и автозаправочные станции до реки Тау. Сейчас они звонят в Лайнсбург, Лиу-Гамка и Бофорт-Уэст. Но если он не поедет по шоссе номер один...

– Поедет.

Радебе кивнул.

Янина Менц оглядела своих подчиненных. Они буквально ели ее глазами.

– Как успехи с бывшими помощниками Клейнтъеса?

– Расшифровка скоро будет, мадам.

– Спасибо.

Вот оно, подумала Янина. Именно этой расшифровки она ждет. Она оглядела своих подчиненных. Они не знают всего. Только у нее имеются все кусочки сложной головоломки.

Она так долго все продумывала. Так тщательно готовилась. На выработку сложного плана ушло много месяцев. Нельзя допустить, чтобы все рухнуло из-за какого-то работяги среднего возраста!

10

Мириам Нзулулвази лежала на двуспальной кровати, скрестив руки на груди и глядя в потолок. Она не слышала знакомых ночных звуков Гугулету: лая собак, криков пьяных компаний, которые возвращались домой из пивных, где отрывались в выходные, рева машины из соседской автомастерской, жужжания насекомых, орущей у кого-то музыки, вздохов и скрипов дома, готовящегося к ночи.

Она неотступно думала о Тобеле и всякий раз приходила к одному и тому же выводу: он хороший человек.

Почему за ним охотятся? Он не сделал ничего дурного.

Прекратят ли когда-нибудь в этой стране будить людей по ночам? Неужели прошлое никак не уйдет?

Неужели Тобела сейчас делает что-то плохое?

Неужели он не тот человек, которого она знает?

– Я был другим, – сказал он ей как-то, когда они только начали встречаться и он завоевывал ее доверие. – Я вел другую жизнь. Мне не стыдно. Я делал то, во что верил. Но сейчас все кончено. Я такой, каким ты меня видишь.

В тот первый день, когда он приходил в банк, она его даже не заметила. Он был для нее всего лишь очередным клиентом. Она переставила чашки с чаем с тележки на поднос, поднос осторожно водрузила на стол и кивнула, когда консультант и клиент поблагодарили ее. Потом закрыла за собой дверь, не сознавая, что этот день изменит ее жизнь. Позже он зашел к ней на кухню; он искал ее. Очевидно, сказал секретарше, что хочет поблагодарить за прекрасный чай. Он протянул ей руку со словами:

– Меня зовут Тобела Мпайипели.

Тогда Мириам еще подумала: хорошее, правильное имя. «Тобела» значит «почтительный». И все же она удивилась: что ему надо?

– Я увидел вас в кабинете Ван дер Линде. Я хочу поговорить с вами.

– О чем?

– Обо всем.

– Вы что, приглашаете меня на свидание?

– Да.

– Нет.

– Я что, такой страшный? – спросил он, улыбнувшись и расправив широкие плечи.

– У меня есть ребенок.

– Мальчик или девочка?

– У меня нет времени на разговоры. У меня много работы.

– Прошу вас, скажите хотя бы, как вас зовут.

– Мириам.

– Спасибо.

Он не употреблял модных словечек, американизмов, бывших в ходу у жителей рабочих поселков; он ушел, а Мириам вернулась к работе. Через два дня ее вдруг позвали к телефону. Раньше ей никто не звонил на работу, и она испугалась, что умер кто-то из близких. Тобеле пришлось напомнить ей, кто он такой. Он спросил, когда у нее обеденный перерыв, она ответила уклончиво и попросила больше не звонить ей на работу – отдельного телефона на кухне нет, а администраторы не любят, когда телефон занимает служба.

На следующий день он поджидал ее на улице. Он не стоял, прислонившись к стене, но ждал ее прямо напротив выхода, широко расставив ноги и скрестив руки на груди. Когда она вышла на залитую солнцем площадь Тибо, он спросил:

- Можно вас проводить?
- Чего вы хотите?
- Поговорить с вами.
- Зачем?
- Вы славная женщина, и я хочу узнать вас по лучше.
- Спасибо, у меня хватает знакомых.
- Вы так и не ответили, сын у вас или дочь.
- Совершенно верно.

Он подошел ближе; она села на ступеньку и достала бутерброд из промасленного бумажного пакета.

- Можно присесть?
- Здесь общественное место. Можете садиться куда хотите.
- Я не цоци – не хулиган.
- Вижу.
- Я просто хочу поговорить.

Она позволила ему говорить. Ею владели противоречивые чувства: с одной стороны, страх, с другой – одиночество. С одной стороны, горькие разочарования в прошлом, с другой – расплывчатые перспективы. Ей надо было защищать своего ребенка и свое сердце от большого, красивого, вежливого мужчины, сидящего рядом с ней на залитой солнцем площади. Наконец она решила подождать и посмотреть, что будет, плыть по течению. Пусть себе говорит. И он говорил. Приходил через день. Иногда приносил какую-нибудь еду, всегда простую, никаких деликатесов: булочки, горячую картошку с солью и уксусом, иногда мисочку риса с карри или свое любимое блюдо – тефтели в остром соусе, которые продавались навывнос в ресторанчике восточной кухни на Аддерли-стрит. Он часто угощал ее, делился с ней обедом. Постепенно она начала оттаивать. Рассказала новому знакомому о Пакаmile и о своем доме, ради которого она столько лет работала. Как трудно было выкупить его. Однажды он принес подарок для мальчика – головоломку, которую надо было собирать из кусочков. Тогда она сказала: нет, больше она с ним встречаться не будет. Она не станет знакомить его с Пакаmile. Мужчины всегда уходят. Они никогда не остаются. Он хороший человек, просто раньше Мириам казалось, что все мужчины одинаковы. Вообще так устроена жизнь: мужчины – временное явление. Они независимы. И не необходимы. Особенно для Пакаmile.

Не все мужчины, возразил тогда Тобела, и она готова была сказать: «Так вы все говорите», – но потом увидела его глаза, плотно сжатые губы – и промолчала. Он чем-то растрогал ее. Он долго молчал, а потом сказал:

- Я жил странной, дикой жизнью. Я совершал много такого...
- Какого?
- Во имя Борьбы. Я был другим. Жил другой жизнью. Мне не стыдно. Я делал то, во что верил. Все кончено. Сейчас я здесь такой, каким ты меня видишь.
- Все мы совершали разные поступки во имя Борьбы, – с облегчением произнесла она.
- Да, – кивнул он. – Я искал себя. Сейчас я нашел себя. Я знаю, кто я такой, и знаю, чего хочу. Я не дезертир.

Тогда она ему поверила. Он заглянул ей в глаза, и она ему поверила.

* * *

– «Ройвалк-1», даю прогноз погоды, – сказал диспетчер в Блумспрёйте. – С запада движется атмосферный фронт. В районе от Вернэпана до Сомерсет-Ист возможна гроза.

Пилот заглянул в план полета:

- Мы прорвемся?

– «Ройвалк-1», ответ утвердительный, но лучше шевели помидорами, – посоветовал диспетчер, который знал, что «ройвалки» могут подниматься не выше шести километров.

– «Ройвалк-1» к взлету готов.

– «Ройвалк-2» к взлету готов.

– Взлет разрешаю. Задайте им там жару!

Два мощных двигателя «топаз» оглушительно взревели.

Наконец он почувствовал мотоцикл. Впереди показалась долина реки Хекс; он вышел из поворота, прибавил газу и ощутил радость от скорости. Впереди показался следующий поворот. Он снизил скорость, выбрал траекторию, повернул руль, наклонился и впервые не ощутил ни дискомфорта, ни страха – только гордость за одержанную маленькую победу, только радость оттого, что овладел этой мощной силой. На выходе из поворота он прибавил газу, заранее сосредоточившись на следующем повороте. Впереди завиднелись чьи-то красные фонари – грузовик. Он вдруг вспомнил, что говорил инструктор на мотокурсах. Немножко адреналина не помешает. Сейчас от него потребуется чуть больше ловкости. Он переключил скорость, притормозил, обошел грузовик. Когда поднял голову, из-за горных вершин вышла луна, полная, яркая. И Тобела понял: у него все получится. Трудности остались позади, а впереди – дорога. Он прибавил газу. Вскоре показалась долина – в серебристом лунном свете она была похожа на волшебную страну.

* * *

Моника Клейнтъес сидела, ссутулившись, в кресле в гостиной в отцовском доме; на щеках блестели дорожки от слез. Напротив на краешке стула сидел Уильямс; и поза, и выражение его лица выражали участие.

– Мисс Клейнтъес, если бы речь шла о моем отце, я поступил бы точно так же, как вы. Вы совершили благородный поступок, – негромко сказал он. – Мы хотим поддержать вас.

Она кивнула и прикусила нижнюю губу, стиснув руки на коленях. За стеклами очков ее заплаканные глаза казались особенно большими.

– Нас интересуют только две подробности, способные пролить свет на ситуацию: во-первых, какие отношения связывают вашего отца и мистера Мпайипели? Во-вторых, какими сведениями он располагает?

– Я не знаю.

– Совсем не знаете? Даже не догадываетесь?

– Имена. Анкетные данные. Цифры. Какие-то сведения. Когда я спросила отца, что все это значит, он ответил: лучше мне не знать. По-моему... дело касается людей... – Взгляд Моника блуждал по фотографиям, черно-белым и цветным, которые висели на стене, рядом с камином. На снимках были изображены разные люди.

– Каких людей? – Уильямс проследил за направлением ее взгляда и встал.

– Известных.

– А поточнее? – Он оглядел фотографии. Цветная семья на Трафальгарской площади: Джонни Клейнтъес, Моника, ей, наверное, лет пять, тогда ее ножки были полненькими и гладкими. Тогда они у нее еще *были*.

– Из АНК. Из руководства...

– Помните какие-нибудь фамилии?

На некоторых фото Клейнтъес был снят с теперешними членами правительства. На Красной площади, в Берлине – на фоне Берлинской стены. В Праге. Да уж, весьма характерные места для туризма во времена холодной войны.

– Он не говорил.

– Совсем ничего не говорил? – Уильямс посмотрел на свадебную фотографию Джонни Клейнтеса. Мать Моника в белом; совсем не красавица, но гордая.

– Ничего.

Уильямс отвернулся от снимков и посмотрел на Моника.

– Мисс Клейнтес, нам жизненно важно знать, какие именно сведения находятся сейчас у мистера Мпайипели. Это в интересах страны.

Руки вспорхнули с колен, слезы градом хлынули из глаз.

– Я не хотела ничего знать, а отец не хотел ничего говорить. Прошу вас...

– Понимаю, мисс Клейнтес.

– Спасибо.

Он дал ей время успокоиться. Она потянулась за бумажными платками и негромко высморкалась.

– Итак, какие отношения связывают вашего отца и мистера Мпайипели?

– Отец знал его по общей Борьбе.

– Нельзя ли поконкретнее?

Моника взяла еще один платок. Сняла очки и тщательно вытерла слезы.

– Три недели... две или три недели назад отец пришел ко мне на работу. Раньше он никогда так не делал. Он принес лист бумаги. Сказал, что там записано имя и телефон человека, которому он полностью доверяет. Если с ним что-то случится, я должна позвонить Крошке Мпайипели.

– Крошке?

– Так у него было написано.

– Вы удивились?

– Я встревожилась. Спросила, почему с ним что-то должно случиться. Отец успокоил меня: ничего не должно случиться, это просто на всякий случай, подстраховка, как делаем мы в «Санламе». Тогда я спросила, кто такой Крошка Мпайипели, и он ответил: «Феномен».

– Феномен?

Моника кивнула:

– Потом он сказал: «Боевой товарищ». Крошка был его соратником, они вместе сражались с режимом апартеида. И, по словам отца, Крошка рос на его глазах.

– В годы Борьбы ваш отец находился в Европе?

– Да.

– Именно там он познакомился с Мпайипели?

– Наверное.

– Что было дальше?

– В случае если что-то пойдет не так, отец велел мне найти Крошку. Потом я снова спросила, что должно пойти не так. Я заволновалась. Но он ничего не ответил. Заговорил о том, какой у меня красивый кабинет.

– И поэтому, когда вам позвонили из Лусаки, вы разыскали Мпайипели?

– Сначала я открыла сейф и достала оттуда внешний жесткий диск. На нем лежала записка. Имя и номер телефона. И я позвонила ему.

– А потом отвезли диск в Гугулету?

– Да.

– И попросили его переправить диск в Лусаку?

– Да.

– И он согласился?

– Он сказал: «Я многим обязан вашему отцу».

– «Я многим обязан вашему отцу».

– Да.

– У вас есть его фото?

Моника оглядела снимки на стене, как будто видела их впервые. Подтянула костыли и с трудом встала. Уильямс хотел остановить ее, уже жалея о своей просьбе.

– По-моему, нет. – Она пробежала взглядом по снимкам. Глаза ее снова наполнились слезами.

– С тех пор вы не связывались с мистером Мпайипели?

– Вы ведь прослушиваете мой телефон. Сами знаете.

– Мисс Клейнтъес, вы не догадываетесь, где сейчас находится мистер Мпайипели?

– Нет.

Радебе позвонил ей в оперативный штаб.

– Да?

– Группа, которая проводит поиск в архиве в Претории, закончила работу...

– И что?

– В архиве ничего нет. Никаких данных о Тобеле Мпайипели.

11

Отделение ПРА по Восточной Капской провинции находилось в Бишо. Агентом там была женщина. Она знала, фигурально выражаясь, что служит в дебрях Южной Африки, в настоящем болоте, где ничего никогда не происходит и потому нет никаких шансов выдвинуться, сделать нечто такое, чтобы тебя заметило руководство. Чем дольше ты здесь служишь, тем больше тебя затягивают зыбучие пески, из которых уже не выбраться.

Когда из штаб-квартиры позвонил Радебе и приказал побеседовать с одним стариком, живущим в Алисе, она не стала сетовать на скудость информации, а, наоборот, пылко поблагодарила начальство за доверие, села в свой старенький «фольксваген-гольф» с пробегом в сто семьдесят четыре тысячи километров и помчалась вперед. Задание вполне могло стать пропуском в высшие сферы.

По пути она обдумывала вопросы, которые задаст, интонации, жесты. Потом мысли ее потекли по другому руслу. Она представила, как миссис Менц читает ее доклад (она понятия не имела, как выглядит кабинет высокой начальницы, и ей казалось, что он должен быть суперсовременным, кругом стекло и металл), а потом вызывает Радебе и говорит ему: «Радебе, это великолепная сотрудница! Почему она прозябает в Бишо? Ее необходимо перевести к нам».

Прежде чем агент позволила себе улететь на крыльях мечты, представить уютную квартиру в Си-Пойнте, которую она купит, перебравшись в Кейптаун, она добралась до места. Остановилась перед домом – всего в каком-нибудь километре от чудесных новых домов университетского городка Форт-Хэа. В доме горел свет. Она негромко постучала. В сумочке у нее были диктофон и блокнот, пистолет в кожаной кобуре – на поясе.

Ей открыл высокий пожилой седовласый человек с глубокими морщинами. С годами спина его согнулась, но голос остался звучным.

– Преподобный Лоуренс Мпайипели?

– Совершенно верно.

– Моя фамилия Далиндьебо. Мне нужна помощь.

– Вы обратились по адресу, сестра, – приветливо ответил старый священник, отступая и придерживая для нее дверь. Из-под темно-красного халата показались босые натруженные ноги.

Незваная гостья вошла в гостиную, быстро оценила обстановку. Книжные полки вдоль двух стен, сотни книг. Две другие стены увешаны черно-белыми и цветными фотографиями. Все очень скромно, никакой роскоши. Тем не менее атмосфера дышит покоем и теплотой.

– Прошу вас, садитесь. Я сейчас, только скажу жене, чтобы ложилась спать.

– Извините, преподобный, за то, что побеспокоила вас так поздно.

– Не извиняйтесь.

Священник скрылся в коридоре; на ковровом покрытии его шаги были бесшумными. Гостья по пыталась рассмотреть фотографии со своего места. Посередине священник и его жена с новобрачными в окружении множества людей. Сбоку – семейная фотография. Священник еще молод, высок, прям. Перед ним стоит мальчик лет шести-семи; личико серьезно нахмурено, он прикусил губу, отчего видны недавно выросшие передние зубы. Интересно, может, это и есть Тобела Мпайипели?

Старик вернулся.

– Я поставил чайник. Что привело вас ко мне в дом, мисс Далиндьебо?

На секунду агент замялась; фраза, которую она заготовила, была не к месту. Старик излучал любовь и сострадание.

– Преподобный, я работаю на государство...

Он собрался сесть, но, увидев, что она замялась, остался стоять.

– Продолжайте, дитя мое, не бойтесь.

– Преподобный, нам нужны сведения о вашем сыне, Тобеле Мпайипели.

По лицу священника пробежала тень, выражение глаз изменилось. Он долго стоял неподвижно, словно обратившись в камень, – так долго, что гостья забеспокоилась. Потом медленно сел, как будто у него болели ноги, и глубоко и тяжело вздохнул.

– О моем сыне? – Рука прикоснулась к серебристому виску – кончиками пальцев. Другая рука вцепилась в подлокотник, взгляд стал невидящим.

Агент не ждала такой реакции. Надо срочно придумать другие вопросы. А пока лучше подождать и помолчать.

– Мой сын, – сказал старик и добавил: – Тобела. – Казалось, он припоминал имя.

На то, чтобы начать рассказ, у него ушло почти пятнадцать минут. Сначала он спросил, как поживает его сын, на что она ответила уклончиво, чтобы не вызвать ненужного волнения. Он извинился и вышел на кухню сварить кофе, но двигался слепо, как лунатик. Вернулся с подносом, на котором стояла тарелка с сухарями и печеньем. Старому священнику было явно не по себе. Наконец он заговорил, с трудом, все время прерываясь, мучительно подыскивая слова. Потом рассказ стал более плавным. Казалось, священник исповедуется.

– Чтобы все понять, необходимо вернуться назад. К моему поколению. Ко мне и моему брату. Лоуренсу и Сензени. Голубю и соколу. Иакову и Исаву, если вы простите мне такое сравнение. Мы жили в долине реки Кат, жили бедно, просто, но мы были сыновьями вождя племени. Днем мы пасли скот, а вечерами сидели у костра и слушали стариков, которые рассказывали нам историю нашего народа, историю коса. Они еще проходили обряд инициации – его запретили лишь совсем недавно. Разница между нами была заметна с самых первых дней. Я, Лоуренс, старший, был мечтателем. Я был высоким, худощавым, хорошо учился в миссионерской школе и никогда не дрался. Сензени, младший, был приземистее и мускулистее. Он был бойцом, прирожденным воином, нетерпеливым и вспыльчивым. Больше всего он любил слушать о битвах и военных подвигах. Только тогда его глаза загорались...

Однажды, много лет назад, Лоуренсу, пришлось отстаивать свою честь в бессмысленной подростковой кулачной драке с другим мальчишкой, задирой, который завидовал его статусу сына вождя. Насмешками и издевками его заманили в круг вопящих мальчишек, и ему пришлось защищать свое достоинство кулаками. Тогда Лоуренс испытал странное чувство: он словно воспарил и сверху смотрел на двух мальчишек, кружащих друг против друга, как если бы на самом деле его там не было. И даже после того, как на него градом посыпались удары, он не мог поднять руку и ударить своего противника. Он не мог сжать кулаки, не мог найти в себе достаточно ненависти и гнева, чтобы разбить своему врагу нос или, скажем, просто оттолкнуть. То был божественный миг – миг, когда он понял, что может чувствовать боль своих противников до того, как она возникнет, потребность успокоить эту боль, исцелить ее.

На помощь к нему бросился Сензени, младший брат. Лоуренс истекал кровью; напавшие на него мальчишки свистели и улюлюкали. Голова кружилась, кровь заливала глаза и нос. И вдруг рядом оказался Сензени, черный вихрь ярости. Он набросился на врага и принялся безжалостно его молотить.

Когда все было кончено, Сензени посмотрел на старшего брата с презрением и даже с отвращением. Как будто отныне он становился старшим, принимал на себя ответственность за Лоуренса. Видимо, ему было стыдно, что у него такой брат.

В миссионерской школе Лоуренс обрел Бога. Он нашел в христианстве все, что почувствовал в тот день. Сензени же презрительно хмыкал: христианство – религия белых.

Лоуренс получил стипендию для продолжения учебы; мать поощряла его. Он выучился, женился и начал долгий апостольский путь среди собственного народа в долине реки Кат. Его брат выбрал для себя другую стезю. После смерти отца именно Сензени стал вождем. Его захва-

тывали известия об освободительном движении на севере. Он без конца перечитывал речи Нельсона Манделы. Сензени стал апостолом другого рода – апостолом свободы.

А потом родился Тобела.

Бог создал мальчика с неким умыслом. По характеру Тобела больше всего походил на своего деда Мпайипели: он был прирожденным лидером, умел принимать решения, думать и вырабатывать свое суждение. Фигурой Тобела был похож на отца: такой же высокий, стройный. Он так же быстро носился по холмам Сискея. И лицом он тоже был похож на Лоуренса. В результате многие люди, включая родного отца Тобелы, ошибочно полагали, что по характеру он такой же миротворец.

Но Бог создал его не миротворцем, а воином. Он наделил его чертами предков – Пало, Рарабе, Нквика и Макома. Господь дал Тобеле Мпайипели сердце охотника.

В ранние годы их внешнее сходство всех обманывало. «Папочкин сынок», – говорили о Тобеле в детстве. Но мальчик вырос, и правда выплыла наружу. Его отец узнал обо всем первом, потому что он приходился Сензени братом. Он заранее почуял опасность и часто молил Бога о милосердии, потому что боялся за сына. Он окружил мальчика любовью и заботой, ему хотелось завернуть его в кокон родительской любви, но на то не было Господней воли. Слишком поздно Лоуренс понял, что так Господь его испытывает. Он проиграл. Мудрость и сострадание не помогли; слишком сильная любовь к сыну ослепила его.

Беда началась с мелких домашних стычек. Дальше – больше; с годами пропасть между отцом и сыном расширялась.

С севера вернулся Сензени; дядя и племянник сразу потянулись друг к другу, почувствовав духовную близость. Они говорили на одном языке, они оба жаждали сражений, их головы и сердца отвергали путь мира и любви. Так Лоуренс Мпайипели потерял единственного сына.

– В 1976 году произошло восстание в Соуэто, – продолжал свой рассказ священник. – Тобеле тогда было четырнадцать лет. Сензени ночью явился за ним. Я запретил брату оказывать влияние на Тобелу, но он тайно пришел ночью, как вор, и увез мальчика. Потом позвонил и сказал, что привезет Тобелу домой, когда тот станет мужчиной. Он заставил мальчика пройти обряд инициации, а потом возил его с собой по всем местам, где лилась кровь народа коса. Он наполнил сердце племянника ненавистью. Их не было долго, три месяца, а когда они вернулись, я не узнал сына, а он не узнал меня. Два года мы жили как чужие. Он ходил собственными тропами, тихо и тайно, как будто терпел меня, и чего-то ждал.

В семьдесят девятом он уехал. Накануне вечером он пожелал мне спокойной ночи – так бывало редко, – а утром его комната оказалась пустой. Кровать не смята, из шкафа пропала кое-какая одежда. Пришел Сензени и заявил, что сын уехал на войну. В тот день произошел ужасный скандал. Мы говорили друг другу страшные слова. Я вышел из себя. Я страдал оттого, что оказался плохим отцом и брат украл у меня сына. Я обращал свои упреки к Сензени, но на самом деле гневался на Бога. Господь позволил сыну покинуть меня. Он разбил многие семьи в нашей стране... Он создал меня миролюбивым человеком, полным любви, назначил меня пастырем, а потом пустил в мою овчарню волка, дабы проверить мою стойкость... И этого я не мог понять.

Только позже я понял, что так Он меня испытывал. Так Господь намеревался унижить меня, освободить от иллюзии, что я святее других, показать, что и я – простой смертный и мои ноги в глине. Но тогда было уже поздно спасать сына, поздно возвращать его домой. Иногда до нас доходили какие-то вести о Тобеле. Кое-что нам передавал Сензени; он рассказывал, что Тобела здоров, что его хвалят, что даже послали его в чужие земли – учиться сражаться за родину.

Однажды вечером кто-то бросил в наш почтовый ящик записку. Сензени арестовала полиция безопасности. Его увезли в Грэмстаун. Восемь дней его избивали, пока не забили до смерти, а потом бросили труп, как мусор, у дороги. Больше я не слышал о сыне.

За рекой Тау дорога кончала петлять, и мысли Тобелы впервые за все время отвлеклись от мотоцикла. Он оценивал свое положение. Бензин на исходе, значит, в Лайнсбурге придется заправиться. Потом предстоит проехать еще двести километров по пустыне Кару до города Бофорт-Уэст. Там шоссе широкое и прямое. Днем там невозможно жарко, а ночью лютый холод. Он рассчитывал добраться туда около полуночи.

От Бофорт-Уэста до Блумфонтейна еще пятьсот или пятьсот пятьдесят километров. Вряд ли он успеет проделать весь путь до рассвета.

В Блумфонтейне можно отдохнуть: поехать в пригород, населенный чернокожими, и отоспаться.

Оставался главный вопрос: насколько роковой оказалась его ошибка? Забыл включить сигнализацию... Если же все не так страшно, у него фора до восьми-девяти часов утра, когда найдут его записку. Они наверняка угадают, по какому пути он отправился.

Но если они уже в курсе...

Тобела отлично знал правила игры. Охотник и добыча часто меняются местами. Кроме того, он мог предположить ход их мыслей. Наверняка они решат, что он выберет кратчайший и удобнейший путь, и постараются перекрыть дорогу. Они бросят главные силы на дорогу № 1. Конечно, есть обходные пути, но перекрыть их все попросту невозможно.

Итак, если они уже все знают, то бросят главные силы на трассу № 1. Вот почему ему необходимо воспользоваться темнотой и тем, что пока он их опережает.

Впереди расстилалась темная лента шоссе. Он прибавил газу. Стрелка на спидометре качнулась вправо и стала стремительно приближаться к отметке сто пятьдесят. Он обшаривал глазами дорогу, освещенную лишь светом его фар. Интересно, с какой скоростью можно безопасно гнать ночью?

Когда он преодолел следующий подъем, перед ним открылась долина, и мотоцикл помчался на скорости сто шестьдесят километров в час. Впереди, вдалеке, мигнули красно-синие огни проблескового маячка патрульной машины.

Он ударил по тормозам, мотоцикл резко остановился посреди дороги. Оставалось сделать еще кое-что – что же? Свет, выключить свет! Он нажал нужную кнопку. Темнота ослепила его.

12

Репортер криминального отдела «Кейп таймс» еще не понимала, что этот звонок резко изменит ее жизнь.

Все могло бы кончиться по-другому, если бы она взяла сумку и ушла домой на одну минуту раньше.

Аллисон Хили была полненькой улыбчивой молодой женщиной. Она часто и охотно смеялась, демонстрируя задорные ямочки на щеках. Ей даже в голову не приходило задуматься над тем, почему она так легко сходится с людьми. Возможно, все дело было в том, что она не представляла угрозы.

Когда вечером в воскресенье на ее рабочем столе зазвонил телефон, она ответила, как всегда, бодро:

– «Таймс».

– Аллисон, говорит Эразмус из Лайнсбурга, – услышала она чуть приглушенный голос, как будто Эразмус не хотел, чтобы его слышали сослуживцы. – Не знаю, помнишь ли ты меня.

Она его помнила. Эразмус был полицейским; раньше он работал в Кейптауне, в Си-Пойнте. Все звали его просто Расси. В двадцать восемь лет он понял, что больше не в силах сражаться с преступностью на окраине большого города, и перешел на более мирные пастбища. Аллисон радостно приветствовала старого знакомого, спросила, как дела. Хорошо, ответил он, хотя и штормит. Волны в метр высотой. Аллисон рассмеялась. Расси быстро перешел к делу:

– Слышала о байкере-коса?

– Нет, – ответила она.

– Тогда у меня для тебя интересная история.

«Особо опасный преступник Служебная записка 17 ноября 1984 г. 19:32 Срочно!

От кого: Дерек Лейтеган, атташе посольства в Вашингтоне.

Кому: Квартусу Нодье.

Срочный запрос из ЦРУ, Лэнгли, Вирджиния. Требуется любые сведения и/или фотографии:

Тобела Мпайипели, он же Крошка, он же Умзингели. Возможно, был боевиком «Умконто ве сизве». Возможно, является действующим агентом КГБ/Штази. Возможно, действует в Великобритании/Европе. Чернокожий, рост 2 м 10 см, вес 100–120 кг.

Конец».

Янина Менц посмотрела на факсимильное сообщение. Записка была написана от руки, и строчка в верхнем правом углу едва угадывалась: «Наша помощь в данном вопросе будет оценена весьма высоко. С уважением, *Дерек*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.